

ЖИТИЕ СВ. ЕКАТЕРИНЫ ГЕНУЭЗСКОЙ

Аноним XVIII в. по материалам процесса канонизации

*Пер. с лат. Catharina Flisca Adornea vidua, Genuæ (S.) a. anonimo // AASS, Sep.
T. V, pp. 149-176*

В переводе Константина Чарухина

ПРОЛОГ

[1] Сколько бы писателей ни трудились над жизнеописаниями св. Екатерины де Фиески Адорно, они или старались строго следовать по стопам тех двух её достославных учеников, которые, общавшись с нею долгое время, написали о ней безыскусно, но правдиво, или же выбирали для себя другой подход: извлекая из старинных рукописей самые давние сведения и не забывая ничего из упоминаемых там небесных учений и видений, старались так и этак украсить её житие и как можно больше обогатить. Тем не менее как первых, так последних постигла горькая доля, обычно выпадающая на долю тех, кто делает всеобщим достоянием тайные и сокровенные смыслы мистической теологии, коих не уразуметь никому, кроме душ, что, внутренне ведомые Богом по стезям совершенства, изострили свою восприимчивость к священному. Не бывает такого, чтобы это особо пришлось по нраву толпе, которая куда более предпочитает следить за ходами повествования, чем внимать небесному учению и дивиться ему.

[2] Вот и подумалось мне, что если в сем сочинении я, стараясь соединить оба подхода, стану рассказывать о героических деяниях и исключительных добродетелях сей святой дамы, только кое-где сдабривая повествование выдержками из её священных учений, то в попытке избежать чужих ошибок, впаду в другую, ещё большую, ибо и от первых, наверняка, чересчур отдалюсь, и вторым вряд ли заметно уподоблюсь.

Однако я постоянно побуждал сам себя к тому, чтобы составить в народном вкусе краткий очерк жития на основании ряда рассказов, собранных сборщиками в компендиум, который был напечатан перед процессом канонизации. Ибо я убежден, что тот, кто хочет основательно постигнуть несравненное и достойное учение сей великой святой, должен внимательно прочитать составленные ею «Трактат о чистилище» и «Собеседование между душой и телом».

Итак, остается тебе, любезный читатель, смириться с тем, что, листая эту книгу, не стоит искать в ней словесных изысков, нарочито приукрашающих чтиво, ибо я воздержался от них, дабы и сам стиль мой соответствовал той манере, в какой святая писала уже помянутые добрым словом произведения, а дух [повествования] доставил твоему духу хоть какую-то пользу, что является самой главной целью читателей житий святых. Всех благ тебе!

ГЛАВА I. РОЖДЕНИЕ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ И ЕЁ ВОСПИТАНИЕ

[1] Среди знатнейших и наиболее выдающихся семейств славного города Генуи числится род Фиески, который помимо огромного множества кардиналов, приносивших ему славу в течение многих веков вплоть до наших дней, вдобавок заслуженно гордятся тем, что дал Церкви двух великих понтификов: Иннокентия IV и Адриана V. Братом первого был Роберто Фиески, к которому возводит свой род Джакомо, несший обязанности наместника короля Раньеро в Неаполе, где, исполняя должность вице-короля и управляя оным королевством, славно закончил свои дни, заслужив похвалы за благоразумие, проявленное в распоряжении государственными делами, но гораздо более высокой оценки достойный за то, что дал жизнь святой, чьё житие мы как раз приступаем писать.

От такого вот отца и Франчески из знатнейшего семейства де Нигро родилась Екатерина Генуэзская в год нашего спасения 1447-й, а возродившись благодатью святейшего крещения, была отдана на воспитание дедушке и бабушке, которые со всем тщанием возвращали в ней священный страх и любовь к Богу.

[2] Плоды своих трудов они вскоре увидели в первых прообразах святости, задатки коей Екатерина подавала с младенческого возраста, ведь едва ей исполнилось восемь лет, она отвратилась от детских забав и, всем поведением своим выказывая замечательную скромность, с величайшим усердием устремилась к познанию священных тайн нашей веры, силилась постичь их смысл. Часто предаваясь искренним и усердным молитвам, она, словно бы в школе совершенства, где учителем её был Бог, в короткое время достигла поразительных успехов, добиваясь от себя безоглядного послушания родителям и строгого безмолвия, заключавшегося в воздерживании от любых разговоров, что не были о Боге.

На стене её комнаты висела икона, представлявшая образ умершего Иисуса Христа, Господа нашего, возлежащего на коленях Своего святейшей Родительницы, что обычно именуется «Пьета».

[3] Екатерина часто устремляла взоры на сие святое изображение и созерцала его так внимательно, будто хотела в себе самой запечатлеть все муки Христовы и всю горечь Его, как они представлялись её духовному взору. При этом в порыве нежной любви к Господу-Страдальцу она ощущала во всех своих членах столь глубокий трепет, что казалось, вся целиком вот-вот рассыплется от любви и жалости к Благу своему.

Из-за этого её сердце загорелось пылким стремлением пострадать ради любви к Иисусу, поэтому, презрев удобства отцовского дома и вознамерившись смирить своё нежненькое тело, она проводила ночи, лежа прямо на соломе, а под голову вместо подушки подкладывая твердый и грубый чурбак. Причём подвижнические свои упражнения она старалась искусно скрывать, чтобы прислуге, заботе которой она была доверена, ничего не бросалось в глаза.

[4] Но если святой девочке и удалось утаить суровость, с каковой она томила своё тельце, то одного пламени любви, коим она пылала, постоянно предаваясь благоговейным молитвам, спрятать не получалось. Поэтому её нередко заставляли в самых укромных уголках дома, где она, уединившись, подолгу упражнялась в размышлениях над священными тайнами Страстей Господних.

Однажды случилось так, что, когда она с необычайным пылом духовным предавалась размышлениям о муках, кои претерпел Христос, Господь наш, то вдруг почувствовала, как сердце её прониклось небесным пламенем, которое, всё усиливаясь, возжигало в ней желание подражать Иисусу в Его страданиях и наполняло её состраданием и любовью, пока она наконец не разразилась потоком слёз.

ГЛАВА II. КАК ОНА ПОЖЕЛАЛА ОБЛЕЧЬСЯ В ОБРАЗ ИНОЧЕСКИЙ В МОНАСТЫРЕ
ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БЛАГОДАТНОЙ, ЧТО В ГОРОДЕ ГЕНУЕ

[5] Ежедневно усиливались в Екатерине побуждения божественной благодати, на кои она охотно откликнулась, соразмерно им взращивая в себе святое рвение; однако, тревожась, как бы земная суета в конце концов не воспрепятствовала свободе духа, она в тринадцатилетнем возрасте постановила распрощаться с миром и принять постриг в каком-нибудь монастыре, где ей будет разрешено дать полную волю пламенной любви к Богу, Кому она уже тогда отдала всё своё сердце. Среди многих обителей, что в те времена славились в Генуе строгим уставом, предпочитала Екатерина ту, что названа была в честь Св. Марии Благодатной, где освященные девы, именовавшиеся уставными канониссами, с несравненным радением следовали уставу св. Августина; а к таковому выбору её наипаче склонил пример одной из её сестер, звавшейся Лимбания, что своей чрезвычайной набожностью изрядно придавала привлекательности сему целомудренному житию, кое разделяла с другими ревностными монахинями.

[6] Вот почему благоразумная дева, имея благочестивый обычай советоваться с духовником обо всём, что касается духовной жизни, объявила ему о своём святом намерении, сопроводив сие усиленной просьбой выступить ходатаем за неё перед настоятельницей и инокинями вышеназванного монастыря, дабы изволили они принять её в своё общество (чего было бы нетрудно добиться, поскольку начальница той досточтимой обители сама исповедалась ему и слушалась, как духовного руководителя).

Благочестивый священник ничуть не удивился, увидев искреннее усердие, с коим девица столь нежного возраста по собственному почину взыскала освобождения из темницы, поскольку превосходно знал, каков был дух Екатерины и какие дары благодати ниспосылал ей Господь день за днём, однако, чтобы с большей надёжностью удостовериться в крепости её намерений, сначала попытался возражать, представив её вниманию значительные тяготы, с которыми обычно сталкивается тот, кто намеревается принять образ иночества; суровость и жёсткость уставной жизни; хрупкость её всё-таки ещё детского здоровья; искушения диавольские, которым приходится подвергнуться всякому вступающему на путь совершенства; а также [изложил] все доводы, подсказанные ему собственным благоразумием, с той целью, чтобы она тщательно взвесила решение столь великой важности.

[7] Но Екатерина, с искренним смирением отвечая на каждый [из приведённых доводов], отклонила все возражения и, ещё сильнее утвердившись в своём святом устремлении, пуще прежнего умоляла духовника, настойчиво заклиная его попытаться всеми способами утолить её пожелание, добившись для неё приёма в ту обитель, что она наиболее предпочитала.

Благоразумный инок не смог не уступить столь напористым уговорам и в конце концов занялся её делом. На следующий же день он направился в монастырь, изложил настоятельнице и монахиням смиренные просьбы юной девицы, духовной жизнью коей руководил, и, подробно описав необыкновенные добродетели, украшавшие её душу, настоятельно попросил их утолить её желание, позволив с соблюдением всех уставных требований принять иноческий образ в их монастыре.

[8] Монахини с живейшей охотностью удовлетворили бы просьбу сего досточтимого иерея, равно как и пылкое желание отроковицы, ибо явственно предвидели огромные блага, которыми обогатится всё их общество от созерцания добродетелей, сияющих в этой душе, столь щедро одарённой милостями Божиими. Но поскольку в киновии был обычай не принимать в образ иноческий в таком юном возрасте, в коем была св. Екатерина, то девы, приведя в извинение то, что им не полагается принимать её, предпочли лишиться столь великого сокровища, но не нарушить обычай.

По этой причине ничего не дали неоднократные уговоры духовного руководителя монахинь, как бы он ни старался придать им вес сильными доводами, втолковывая инокиням, что отроковица, приняв послушничество, сможет с избытком восполнить недостаток возраста дарами возвышенного духа, исключительным благочестием и ревностным благочестием.

[9] Отказ, о котором духовник сообщил Екатерине, поразил её в самое сердце, вызвав невыразимую печаль, но она не замедлила вскоре утишить горечь своей души, со смирением приняв эту чрезвычайно болезненную для неё неудачу из рук любящего Господа своего, сообразовав свою волю с тем, что Он так право распорядился. Ведь Он предназначил рабу Свою на то, чтобы дары благодати, которые Он постановил потоком пролить на неё, просияли ещё ярче, а уход от мира принёс больше плода.

Посему добротолубивая отроковица с удивительным упованием на Бога продолжала свои благочестивые занятия, возложив на Него все заботы и уповая на то, что Он направляет её теми путями, известными Его высшей Премудрости, которые наилучше подходящие для того, чтобы привести её к пределу совершенства, коего она так жаждала, что с той поры ничему иному не уделяла внимания, кроме усилий совершенно сообразовать жизнь воле Божией и родительской.

ГЛАВА III. КАК ОНА БЫЛА ПРОТИВ СВОЕЙ ВОЛИ ВЫДАНА РОДНЫМИ ЗАМУЖ ЗА ДЖУЛИАНО АДОРНО И КАК ОНА ПРОВЕЛА ЖИЗНЬ С МУЖЕМ ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

[10] После смерти отца Екатерины мать и братья её, увидев, что она достигла шестнадцатилетнего возраста, положились на её безусловное послушание и, отнюдь не считая препятствием склонность души её, всецело устремлённой к небесном и ничуть не помышляющей о земном, постановили отдать её замуж, дабы не проморгать подходящую для умной девушки партию, а дому и семейству своему обеспечить почёт и спокойствие.

В ту пору на вершине могущества находилось знатное и богатое семейство Адорно, пользовавшееся большим уважением и влиянием в республике, которую члены его не раз возглавляли. Между этим-то семейством и родом Фиески пылала нешуточная вражда, лишь недавно улегшаяся; и вот родня Екатерины, чтобы ещё надёжнее укрепить мир между двумя семействами, решили обручить её с Джулиано Адорно, внеся задаток по договору о приданом, согласно которому свадьба была назначена на 13 января 1463 года.

[11] Сверх меры тяжело восприняла Екатерина решение своих близких, ведь оно было, как нарочно, прямо противоположно мечте, которую она постоянно лелеяла в

глубине сердца: распрощаться с миром и посвятить себя Богу. Однако, не желая ни в чём пренебрегать правилами почтения к старшим и подчинения, в коих была воспитана, она терпеливо поступила по их воле, признав в том решение Всевышнего, уготовавшего ей в этом браке тяжчайший крест, под бременем коего ей подобало последовать по стопам своего божественного Искупителя.

Итак, её выдали замуж за Джулиано Адорно, человека столь же владетельного, сколь и родовитого, но при этом грубого и заносчивого. Нрав его оказался так несхож с нравом супруги, что он с первых же дней возненавидел её как чересчур явственное препятствие привычной ему жизни. Духа он был буйного и неугомонного, часто шатался по мужским сборищам и целиком был погружён в игру, потворство своим прихотям и чванству – в противоположность Екатерине, ибо хотя Бог наделил её возвышенным духом и необычайным обаянием, она, будучи смиренна и кротка в обхождении, гнушалась мирскими удовольствиями, любила уединение, в молитвах являла усердие, а роскошь презирала.

[12] Душевные склонности св. Екатерины пришли в такое столкновение со склонностями её мужа, что у неё аж сердце сжималось, когда она себе их представляла. Ведь она со всей ясностью видела, что если попытается сообразоваться с характером своего супруга, душа её потерпит ущерб, а если станет бороться с ним, то ничего ей с того не выйдет, кроме оскорблений и поношений, а потому погрузилась в столь глубокую скорбь, что в течение пяти лет вела уединённую жизнь, отвергая всякое общение с людьми и внутренне переживая тяжчайшие мучения. И хотя она силилась унять их, простираясь у ног Господа, Которому никогда не переставала горячо молиться, однако они день за днём снедали её, пока не дошло до того, что, заметно исхудав, она стала сама на себя не похожа и как бы лишилась рассудка.

[13] Такие странности в её образе жизни привели к тому, что родичи, движимые жалостью к Екатерине, употребили все усилия на то, чтобы отвратить её от него. Они упрекали её, что она много времени проводит в одиночестве, якобы это недостойно её положения замужней дамы и больше напоминает привычки деревенской бабы; винили её то в своенравии, то в чрезмерной строгости к самой себе; а вдобавок давили на совесть, внушая мысль, что она подвергнет страшной опасности собственное спасение, ибо, сокращая себе жизнь, впадает в грех самоубийства. В конце концов такого рода софизмы оказались настолько убедительны, что совершенно упавшая духом дама, дабы избавиться от назойливости родных и друзей, которая порой досаждала ей чрезмерно, и чтобы хоть как-то развеять мрачное настроение и прекратить, наконец, несносные нападки, решила впредь умерить свой подвиг, заключавшийся в глубокой самоотдаче молитве и уединению. С того времени она стала в пределах приличия пользоваться своей свободой, бывая с обществе равных ей дам и позволяя себе все дозволенные увеселения, которых прежде чуждалась.

[14] Мир, видя, что она ступила на стезю удовольствий, уже поздравлял себя с тем, что взял верх над сей благородной душой, и возомнил, что следующая его задача – так крепко связать сердце Екатерины посылаемыми им обольщениями, чтобы она больше не смогла найти сил выпутаться из них. Однако оказалось, что он был куда как далёк от достижения того, на что надеялся, ибо как ни разнообразны и часты

были возможности развлечений, как ни милы беседы, в каковые её вовлекали, Екатерина не находила в них никакого удовольствия и ни капельки утешения в своей внутренней скорби, которая, напротив, день ото дня прирастала из-за бесчинств мужа. И хотя пыл её духовный несколько ослаб, она неизменно страшилась оскорбить Бога, Который даже в пору охлаждения (согласно свидетельству, данному её духовником) не попускал ей впасть в тяжкий грех.

[15] Душевная тоска Екатерины усилилась до такой степени, что не просто мешала ей тешиться земными удовольствиями, но сверх того даже внушила омерзение ко всему мирскому, словами не описать какое, да и самоё себя она едва выносила. Так протекло ещё пять лет мучительной жизни, когда, наконец, до крайности измученная дама, в день, на который выпал канун памяти св. Бенедикта, отправилась в храм, воздвигнутый для почитания одного святого, и там, погрузившись в молитву, усердно просила Бога послать ей затяжную болезнь – месяца на три, надеясь, что с помощью более телесных удастся обрести хоть какое-то облегчение невыносимых душевных мук.

ГЛАВА IV. ВМИГ ПРЕОБРАЖЁННАЯ НЕОЖИДАННЫМ БОЖИИМ ПРИЗВАНИЕМ, ЕКАТЕРИНА С НОВЫМ И ДОСТОДИВНЫМ РВЕНИЕМ ВНОВЬ СТУПАЕТ НА СТАРУЮ СТЕЗЮ СОВЕРШЕНСТВА

[16] Екатерина чувствовала, что приближается к вершине своих мучений, и чем больше пыталась избавиться от них, тем горшую ощущала подавленность. Тогда она отправилась в монастырь Св. Марии Благодатной, уповая, что её сестра, бывшая там монахиней, успокоит её душу. Та убедила её открыть своё сердце духовнику сей киновии, мужу благочестивому и весьма рассудительному, который вне всяких сомнений объяснит ей, какими средствами ей возвратить себе утраченное спокойствие. Поэтому на следующий день после праздника св. Бенедикта она отправилась в церковь св. Марии Благодатной, где, благоговейно помолившись какое-то время, велела сообщить духовнику инокинь, что имеет желание исповедаться ему в грехах. Благочестивый священник проворно прибежал, а Екатерина бросилась к его ногам. Но едва она успела преклонить колени, как душу её озарил луч божественного света, и она почувствовала, как сердце её пронзила огненная стрела божественной любви, отчего ум её просветлел и воспламенилась воля, и она в одно мгновение с полной ясностью узрела бесконечную благодать Божию, а чрез то – все свои проступки; и когда она осознала, сколь великим злом пред ликом безмерной благодати является даже один-единственный грех, пускай даже лёгкий, сердце её наполнилось болью, словами не передать, какой страшной, так что ещё немного, и она, лишившись чувств, пала бы наземь и испустила дух.

[17] В этом состоянии, как бы отчужденная от своих чувств, Екатерина замерла у ног иерея, от скорби не в силах вымолвить ни слова и только восклицая в глубине сердца: «Больше никакого мира, больше никаких грехов!» В это время исповедник не придавал особого значения молчанию Екатерины, предположив, что оно, быть может, проистекает от внутреннего сосредоточения, с каковым она благоговейно готовилась к приятию таинства покаяния. Поэтому, когда его между делом позвал кто-то другой, испросив разрешения, отошёл с места, намереваясь вернуться чуть позже, чтобы со всем вниманием выслушать кающуюся. Придя обратно и обнаружив, что Екатерина всё-таки продолжает молчать, он решился напомнить ей, что можно

было бы уже и начать исповедаться. Тогда, с трудом переведя дух, подавленная скорбью грешница с изрядным трудом произнесла: «Отче, если позволишь, я бы предпочла перенести эту исповедь на другой раз».

[18] Духовник согласился на её просьбу, а Екатерина тотчас удалилась оттуда и ринулась домой. Едва вступив под сень, она в томлении скрылась в самых дальних покоях и там со святым нетерпением без промедления отбросила все суетные женские украшения. Слезы лились из её глаз ручьями, из пылавшего сердца вырывались вздохи, и вымолвить она смогла лишь: «О Любовь, разве не может так быть, что это Ты позвал меня с такой любовью и явил мне в мгновение ока то, что язык не может выразить?» Затем она обратила свою душу к размышлению о безмерной благодати милосердного Бога своего, Который так щедро её облагодетельствовал и никогда не отводил от неё взора, даже в то время, когда легкомысленно она пыталась вне Его, единственного средоточия [устремлений] человеческого сердца, обрести какой-то покой своей страдающей душе. Из-за этого скорбь её так обострилась, что, казалось, вот-вот прикончит её.

[19] В то время как её душу взволновали такого рода тревоги, перед очами её разума вдруг предстала Любовь её – Иисус: на плечах Он нёс тягчайший крест, а из ран Его кровь хлестала такими мощными струями, что весь дом был словно бы забрызган ею. Поражённая сим видением, Екатерина почувствовала в себе столь могучее воспламенение огня любви, что от порыва его сердце будто исторгалось из груди. И так глубоко запечатлелось в её душе сие зрелище, что куда бы она ни повернулась, очам её представало тело Иисуса её, висевшее на кресте, и виделось, будто со всех сторон хлестала драгоценнейшая Кровь, пролитая Им когда-то по любви безмерной.

Затем, когда она обратилась к размышлению об обиде, которую причиняет сему достолюбезному Богу любая, пуская даже ничтожная, провинность, сердце ей пронзила безмерная скорбь, принудившая её воскликнуть громким голосом: «О Любовь! никаких, никаких больше грехов!» И, под тяжестью воспоминаний о неблагодарности, каковой грешила прежде, в пору куда более расслабленной жизни, она прониклась к самой себе непримиримым отвращением, из-за чего то и дело осыпала себя горькими упрёками, обдумывая все средства, какими можно было бы удовлетворить божественную Справедливость, и восклицала, говоря: «О Любовь, если нужно, я готова открыто исповедать свои грехи».

ГЛАВА V. ПОЧУВСТВОВАВ БОЖИЕ ПРИЗВАНИЕ, ЕКАТЕРИНА ЗАНЯЛАСЬ УСМИРЕНИЕМ ПЛОТИ

[20] Какое-то время Екатерина боролась с собою в попытках смягчить душевные муки, то изъявляя в молитвах любовь к пригвождённой ко кресту Благодати, то предаваясь сокрушениям о допущенных проступках, но в конце концов исповедалась за всё, прежде свершённое в жизни, проявив при этом столь явственное искреннее сокрушение, что её исповедник, естественно, пришёл в изумление.

Затем в светлый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы она приступила к священной трапезе Евхаристии, и в тот миг Бог наделил её святым голодом ангельского хлеба, который до самого конца жизни оставался в ней ненасытен. Тем не менее, свершённые проступки всегда предстояли её взору и накрепко врезались в

память, почти постоянно побуждая к сокрушению и святой ненависти к самой себе. Поэтому она предприняла суровые подвиги покаяния и упорно продолжала их в течение четырёх лет, хотя уже по прошествии четырнадцати месяцев Бог открыл ей, что божественная справедливость вполне удовлетворена и что божественной силой у неё будет отнято всякое воспоминание о прошлых падениях, ибо канули они, точно в пучину морскую.

[21] Она не позволяла взгляду своему с любопытством блуждать по сторонам, всегда удерживая его устремлённым в землю, так что даже не узнавала проходивших рядом. Она лишила язык свой всяких бесполезных речей и даже, чтобы усмирить его, часто лизала пол. Довольствуясь скудной пищей, он воздерживалась от вкушения мяса и любых других яств, что могли бы потешить гортань, а поскольку она от природы питала склонность к фруктам, то решила более никогда не есть их; мало того, всякий раз, как ей подавали какое-нибудь вкусное кушанье, она тут же придавала ему горечи, тайком подмешивая полыни и толченого алоэ.

К воздержанности в пище она присоединила воздержанность и в сне, который позволяла себе крайне мало, да притом портила его острыми колючками, которые часто подсыпала в постель.

Она сокрушала своё тело грубыми власяницами и долгими постами, причём, стоя голыми коленями на полу, по шесть часов в день проводила в сосредоточенной молитве.

[22] Однако Екатерина не ограничивалась лишь внешним подвижничеством, но ещё усерднее упражнялась во внутреннем, прилагая силы к искоренению душевных страстей и угашению своеволия, ибо прекрасно знала, что телесная аскеза не даст почти ничего, пока ей не начнёт сопутствовать самоотречение. Поэтому с невыразимой проницательностью она тщательно отслеживала малейшие движения и проблески своевольных чувств, дабы без промедления укротить их и подчинить добродетели и божественной воле. Как только она чувствовала, что её естественные склонности влекут её чему-либо, она тотчас же препятствовала достижению этого, и даже напротив, понуждала себя к противоположному, а если когда-нибудь ей попадалось что-нибудь само по себе отвратительное, она всеми способами старалась одолеть ощущение брезгливости, чтобы лишний раз покорить духу влечения низшей стороны естества.

[23] Она была покорна всякому человеку, независимо от его положения, и всякий раз, когда ей приказывали или предлагали что-нибудь противное её чувствам, она выполняла это с удивительным рвением. Благодаря такому усердному самоуничижению по истечении четырёх лет святая дама одержала полную победу над всеми естественными склонностями, так что ни одна из них более не могла противостать предписаниям победоносного духа Екатерины, как бы тягостны они ни были. Мало того, укротив своевольные порывы силою божественной благодати, она достигла столь совершенного самообладания, что готова была с рвением и охотностью исполнять всё то, от чего изменная часть человеческой натуры обычно отвращается, притом Бог наполнил её сердце такой ясностью и чистотою, что с Его помощью она не упускала из виду ни единого, даже наималейшего недостатка духовного и никакому после этого не поддавалась искушению.

ГЛАВА VI. КАК БОГ НЕОБЫЧАЙНЫМ ОБРАЗОМ НАУЧИЛ ЕЁ ПРАВИЛУ ЖИТИЯ И УКАЗАЛ ПРОВЕСТИ ВЕЛИКИЙ ПОСТ В УЕДИНЕНИИ С НИМ

[24] Бог, Который, придя низвести огонь на землю, весьма желал, чтобы он сильнее возгорался (ср. Лк. 12:49), а не угасал от бездействия, так раздул пламя в сердце сей святой, что она была не в силах уразуметь, как боголюбивая душа может медлить, вступая на лестницу божественной любви. Поэтому, проведая, что Томазина Фиески, тоже бывшая замужем, [по смерти супруга] собралась было покинуть земную суету, но расставалась с миром медленно и робко, опасаясь, что окажется в ненадёжном положении, если, следуя собственному предпочтению, совершенно покинет его в один миг, Екатерина не раз молвила, что не может взять в толк, как можно сочетать истинную любовь к Богу и нерадивость в служении Ему.

И в самом деле, сие возвышеннейшее понятие о совершенстве, отнюдь не свойственное другим, весьма приличествовало Екатерине, как будто Бог нарочно позаботился о ней, желая самолично направлять её дух без какой-либо земной помощи, будь то [со стороны лица] духовного иль мирского, а потому никто не мог вести её к вершине совершенства. В итоге на протяжении двадцати пяти лет Екатерина не признавала иного в сужении Божиим наставника, кроме Всевышнего Бога, Который Своими божественными вдохновениями руководил всеми её действиями, дабы уподобить ее Себе Самому.

[25] Первыми правилами, ведущими к совершенству, которые божественный Наставник в сокровенной беседе сообщил сей избранной душе, были следующие три:

первое: «Пусть от тебя никогда не услышат ни «хочу», ни «не хочу»;

второе: «Никогда не говори «моё», а только: «наше»;

третье: «Никогда ни в чём не оправдывайся, но будь всегда готова обвинить себя».

И таковым наказам святая Екатерина неукоснительнейше следовала, как будет ясно видно из всего этого её краткого жизнеописания.

В другой раз верховный Руководитель в беседе со Своей ученицей велел ей взять за основу богопосвящённой жизни сии слова Молитвы Господней «Да будет воля Твоя», то есть, чтобы во всех делах, касающихся как души, так и тела; как родных, так и друзей, да и во всём, что с нею случается – благоприятное или наоборот – сообразовывалась она с Божией. А из Ангельского приветствия выделила единственное восклицание «ИИСУС» и глубоко запечатлела его в недрах своего сердца, потому что во всех случаях жизни ей подобало держаться одного лишь Иисуса как своего верного проводника.

[26] И, наконец, [Он дал ей указание], чтобы из всего Священного Писания она, как бы в качестве выжимки его, восприняла одно лишь словцо «Любовь», ибо с её помощью чистота душевная и невинность, прозрачность, живость, радение и ясность охраняются от заблуждения и тяги к чему-либо земному, отвращаясь от коего, любовь не будет нуждаться в его помощи, с избытком довольствуясь самою собой, так что любую задачу, как бы ни была она сложна, без труда сможет довести

до конца; ведь любовь вберёт в себя все привязанности и все чувствования душевные, равно как и телесные.

Словами не описать, с каким рвением Екатерина, проникнувшись сими божественными наставлениями, старалась осуществить их на деле, но оно до того оказалось угодно её божественному Наставнику, что Он осыпал её совершенно необычайными дарами, среди коих был тот, о котором мы как раз собираемся упомянуть.

[27] В некоторый год после чудного призвания, коим Бог привлёк к Себе Екатерину, в священнейший день праздника Благовещения, она услышала внутри глас возлюбленного своего Господа, Который предложил ей поститься вместе с Ним в пустыне. Она охотно приняла столь любезное предложение и с того дня была не в состоянии переварить никакой пищи, до самой Пасхи поддерживая себя только хлебом ангельским, который вкушала ежедневно каждый день. Затем, по прошествии сих трёх праздничных дней, в каковые Бог даровал ей способность есть, она тут же возобновила прерванный пост, пока не исполнилось число сорока дней. Когда св. Екатерина только приступала к оному диковинному посту, отвращение, которое она испытывала от еды, вызвало в ней некоторый страх и наполняло душу тревогой, ибо она сомневалась, не обманывает ли её наш общий неприятель, и поэтому прилагала все силы, чтобы есть, как обычно, а с этой целью каждый день непременно шла на общую трапезу вместе с другими. Но сколько бы старания и сил она ни прилагала, чтобы поесть, пища едва проходила в желудок, но уж затем её не удавалось удержать никакими средствами, и Екатерине приходилось выблёвывать её со страшными мучениями.

[28] Необычайный вид поста поразил домочадцев безмерно, поэтому они после того (но всегда безуспешно) пытались различными способами помочь ей усвоить хоть немного еды и, наконец, настроили духовника, чтобы велел ей есть. Она охотно послушалась его приказания и, напрягши все силы, с величайшим трудом проглотила какое-то приготовленное для неё кушанье. Но, к изумлению всех окружающих, она и на этот раз не смогла удержать пищу, а вынуждена была немедленно извергнуть её, точно так же, как случалось всегда прежде. Мало того, её охватила немочь настолько тяжкая, что могла бы даже лишить её жизни, так что духовник, увидев сие, никогда больше не осмеливался ставить над ней такие опыты, сознавая, что все это имело источником божественное вмешательство.

С тех пор Екатерина продолжала по такому уставу соблюдать Четыредесятницу, а кроме того и Адвент, на протяжении двадцати трёх лет, в течение которых Четыредесятницу она начинала в понедельник по Пятидесятнице и продолжала до самой Пасхи; пост же Адвента начинала со следующего дня после праздника св. Мартина, а заканчивала в канун Рождества Господа нашего Христа, и в это время не употребляла вообще никакой пищи, даже в мелочах не преступая запрещения Божия (хотя и весьма хотела, как обычно, усмирять свой вкус, вкушая воду, смешанную с солью и уксусом – в память о том горьком напитке, которым усугубили жажду её Искупителя, висевшего на кресте).

ГЛАВА VII. КАК ЕЁ ПРИГЛАСИЛИ ПОУХАЖИВАТЬ ЗА БОЛЯЩИМИ ГОРОДСКИМИ БЕДНЯКАМИ, И ОНА РЕТИВО ПОСПЕШИЛА ПРИНЯТЬ ЭТО ПРЕДЛОЖЕНИЕ

[29] Процветал тогда в Генуе похвальный обычай (он сохраняется и по сей день), согласно которому так называемый «магистрат милосердия» поручал некоторым знатым дамам помогать бедным, особенно тем, кто стыдился просить милостыню, ходя по городу от двери к двери. Эти дамы, приметив, какой любовью к ближним сияет Екатерина (хотя она и жила скрытой и уединённой жизнью), предложили ей вместе с ними исполнять долг милосердия, помогая болящим беднякам, разбросанным там и сям по всему городу, а для этой цели снабдили её деньгами и всем, что ещё было необходимо.

Словами не выразить, с каким душевным ликованием св. Екатерина взялась за столь милое ей дело, уразумев по внушению свыше, что Бог вдохновил дам на этот замысел, чтобы она могла служить Богу в лице бедняков, не опасаясь своеволия, а подчиняясь другим. В таковом занятии она обрела не только топливо для огня своей пламенеющей любви к ближнему, но ещё и возможность творить величайшие подвиги героического самоотречения, каковые может свершить лишь душа, горящая любовью к Богу.

[30] Итак, неизменно ведомая любовью Божией, она начала ходить по городу, выискивая болящих бедняков; и поистине то было весьма достодивное зрелище: цветущая юностью дама из высшего генуэзского круга, точно какая-нибудь простолюдинка, неизменно устремив очи долу, в полнейшем безмолвии проходит по городским улицам, навещая то одного, то другого больного, и всецело посвящает себя служению им, исполняя даже самую грязную работу.

Они испытывала величайшую духовную усладу, когда ей попадались прокажённые, гангренозные и покрытых язвами, и если она понимала, что им требуется что-то из постельных принадлежностей, домашней утвари или чего-нибудь ещё, то охотно обеспечивала их отчасти за счёт денег, которые ей выдавали на милостыню дамы, её сотрудницы по благочестивому делу, а отчасти и своих скромных средств.

Он стелила им постели и собственными руками омывала их от нечистот и грязи. Часто забирала к себе домой убогие лохмотья бедняков и тщательно вычищала их от гнусных насекомых, которыми они порой кишели, и возвращала их тем же беднякам выстиранными и чистыми; причём по особому промыслу Божию ни один из этих гнусных паразитов ни разу не прицепился к её одежде.

[31] Она часто захаживала в приют, называемый в честь св. Лазаря, где лежали больные, покрытые с головы до ног нечистейшими гнойниками, один вид которых приводил в ужас; а она с неизъяснимой любовью кормила их, лечила их язвы и исполняла самую грязную работу по уходу за ними. Иногда она нарывалась на таких, которые, будучи совсем истомлены недугом, уже не в силах переносить мучений, разражались отчаянными воплями и, став себе самим в тягость, осыпали оскорблениями всякого, кто к ним приближался. Екатерина выслушивала ругательства с безмятежным видом и, мягко попеняв им за нетерпеливость, ободряла их святыми словами, побуждая переносить горечь болезни и сообразовываться с волей Божией, так что не было там ни одного больного, который бы с её помощью не обрёл телесного облегчения и одновременно духовного подкрепления.

[32] Поначалу, как только Екатерина приступила к таковым святым занятиям, она чувствовала в себе жесточайшую борьбу между плотью и духом при виде ужасного состояния хворавших бедняков, ибо по естеству своему брезговала проявлениями человеческих болезней, она испытывала сильнейшее отвращение перед необходимостью возиться со столь гнусной грязью, которой были облеплены сии несчастные. С другой стороны, порывы пламенной любви её были так мощны, что побуждали полностью одолеть естественный ужас и умертвить сопротивление чувств ради милости к ближним. Поэтому, чтобы побороть тошноту, которую она испытывала при излечении такого множества стольких жутких болячек различного рода, она часто клала себе в рот и, более того, глотала гнилостные язвы, а также жевала некоторых из тех самых мерзких насекомых именно в тот миг, когда чувствовала, что желудок в силу природы сильнее всего возмущается. С необычайным душевным подъёмом она повторяла подобные действия до тех пор, пока не одержала полной победы над своей изнеженной брезгливостью и по прошествии трёх лет стала чувствовать при таковых занятиях столько же удовольствия, сколько при начале испытала мук.

ГЛАВА VIII. КОГДА ЕЁ ПОПРОСИЛИ ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ОБЯЗАННОСТЬ УХОДА ЗА БОЛЬНЫМИ В ГЛАВНОЙ БОГАДЕЛЬНЕ ГЕНУИ, ОНА ВЗЯЛАСЬ ЗА ЭТО ЗАДАНИЕ И СО ВРЕМЕНЕМ БЫЛА НАЗНАЧЕНА РАСПОРЯДИТЕЛЬНИЦЕЙ ЭТОЙ БОГАДЕЛЬНИ

[33] Поскольку милость Екатерины к болящим беднякам становилась всё известнее, знатные особы, под чьей опекой и распоряжением находился главный приют города Генуи, в народе называемый Памматоне, по вдохновению Божию решили улучшить уход за больными, призвав на помощь сию даму, одарённую героической любовью к ближним, ибо они были уверены, что, по мере того, как она будет доставлять болящим утешение, как телесное, так и душевное, это послужит столь вдохновляющим примером для всех служителей того заведения, что они станут выполнять свои обязанности с должным тщанием. Кроме ж того, сему заведению выпадет немалая честь, если удастся залучить туда даму весьма славную как родовитостью, так и собственными заслугами, чтобы она занялась там лечением лежащих больных.

Поэтому святую даму спросили, не изволит ли она и на подопечных упомянутого приюта распространить ту милостивую заботу, которую оказывала беднякам, разбросанным по всему городу. Святая, ничуть не мешкая, с радостью взялась за предложенное задание, поскольку Господь предупредил её ум таким предписанием: «Я желаю, чтобы всякий раз, когда тебя попросят о свершении дел милости, как то: служение больным или уход за нищими – ты ни в коем случае не отговаривалась, а всегда исполняла чужую волю».

[34] Поэтому она с несказанной сосредоточенностью и искренним радением занялась сим милосердным служением в названном заведении, повторяя ради утешения тамошних несчастных все те же героические поступки, которые творила до этого времени по отношению к другим. Не было никого, кто не замер бы в изумлении, видя, как дама высокого положения, во цвете лет, наследница обильного состояния и состоящая в браке за членом богатейшего семейства, отбросив, как мусор, всё земное, носит дешёвую одежду и, едва не уподобившись нищим, в превосходном душевном настрое изо всех сил подвизается в служении им, лишив

себя притом всех земных удовольствий (ведь она продолжала соблюдать те строгие посты, о которых мы упомянули выше). Наряду с героическим милосердием она проявляла самое щепетильное послушание по отношению ко всем работникам приюта, чьи приказания, пускай даже и безрассудные, она выполнял с замечательным рвением, никогда «не открывая уст своих» (ср. Пс. 37:14), так что выказывала им больше покорности, чем могла бы какая-нибудь из подчинённых им работниц.

[35] Упрёки, которые ей приходилось изрядно часто выслушивать то от одного, то от иного служителя, она, по попущению Божию, сносила с такой чудесной покорностью, будто у неё вовсе нет своей воли вовсе нет – и именно по этой причине они часто её унижали, хуля её поведение, которое, кроме всего прочего, служило довольно чувствительным упрёком их любви к ближнему – чересчур прохладной, каковая свойственна наёмникам.

Чтобы добавить им поводов к презрению, бедность, в которую вверг её собственный дух, привела к тому, что она возвысилась до предельной степени глубокого смирения, по внушению коего она питалась от собственных трудов (*что не полагалось благородной даме. – прим. пер.*) и чужих подаваний, пока не оградила от покушений тщеславия свою скромность стенами и крышей, сделавшись в глазах служителей совершенно ничтожной и жалкой. Потом она ещё до конца жизни продолжала оплачивать аренду дома и сада, прилегавших к приюту, из своих средств.

[36] Однако насколько служителям не хватало почтения к нашей святой, настолько же почитали её благородные покровители приюта, которые, внимательно приглядевшись к её добродетелям, пожелали вверить ей руководство благочестивым сим заведением, назначив управительницей. Екатерина, приняв эту почётную должность, ни на шаг не отступала от своего скромного и убогого жизненного уклада, причём ей так ладно удавалось сочетать предписываемые ей по долгу занятия со всегда свойственными ей подвигами милосердия, что, никогда не пренебрегая ни единым из них, она неизменно их целиком исполняла.

Дивились все, видя, сколько часов он проводила каждый день в молитве, [и наблюдая] долгие и частые экстазы, захватывавшие её дух, а в то же время необычайную щепетильность, с каковой она вела точнейший счёт всех вверенных ей [средств], вплоть до самых мелочей; и ей никогда не случалось забыть позаботиться о том, чего требовали её обязанности, поэтому все приписывали особой милости Божией то, что, хотя в течение многих лет через её руки проходили огромные деньги, которые ежедневно тратились на содержание приюта, в её счета ни разу не вкралась ошибка, даже малейшая.

Строгое внимание, с каковым Екатерина вела дела приюта, представлялось особенно примечательным в сопоставлении с тем, что о своих частных делах она напрочь позабыла, ибо всё время, остававшееся до самого конца жизни, что она там провела, ни разу не допустила ни единого помысла о самой себе, но всегда предоставляла заботу о себе Богу, Который устроил так, чтобы её душу не занимали мысли ни о муже, ни о ком другом, отвлекая её от долга любви к ближнему, которая не ищет своего (1 Кор. 13:5), а только того, что Господне (ср. 1 Кор. 7:34).

ГЛАВА. IX. О НЕОБЫЧАЙНОЙ ЛЮБВИ, КАКОВУЮ СВЯТАЯ ПИТАЛА К БОГУ

[37] Пытаться на нескольких страницах описать любовь, которую св. Екатерина испытывала к Богу своему, пока жила в этом мире среди смертных, было бы равносильно попытке уместить волны бескрайнего моря в крошечном кувшине; ибо с того мгновения, как у стоп исповедника величайший Бог нежно и могуче привлек её, внушив любовь к Себе, огонь божественной любви не только никогда не угасал в его сердце, но возрос до такой степени, что, казалось, жила она исключительно из-за одной лишь любви. Сия любовь лишила её памяти о собственной пользе, и, ничего не примешивая к своей любви, она совершенно отрешилась от всего тварного. Поэтому, хотя Бог и уделил сей душе дар часто ощущать величайшую сладость духовную, позволяя ей по милости Своей вкушать от того необъятного потока утешений, коим полнится сердце блаженных, Екатерина, тем не менее, по мере сил старалась сего избегать.

В первые годы после того, как в жизни её стало разгораться благочестие, Екатерина после вкушения священной Трапезы чувствовала, как душа её наполняется такой усладой, что ей казалось, будто она уже познала райское блаженство. Однако она, обратившись к вселюбезному своему Богу, вдруг сказала: «О Любовь, неужто Ты пытаешься привлечь меня к Себе силою этих усад? Ах, я отнюдь не хочу ничего вне Тебя и не хочу ничего, что исходит от Тебя, но жажду только Тебя, и мне всё равно, с помощью чего до Тебя добираться» (*т.е. путём радостей или путём страданий. – прим. пер.*).

[38] Затем она настойчиво молила Его, чтобы в дальнейшем Он никогда более не уделял ей таковых утешений, которые, однако, Бог тем обильнее излил в сию душу, чем явственнее она перед взором Его отвергла их. Екатерина желала бы, чтобы все твари любили Бога и служили Ему без надежды на какую-либо награду земную или небесную, а потому говаривала: «Неужели, Любовь моя нежная, не получится так устроить, чтобы любовь и служение Тебе возможно было оказывать без утешения и надежды на блага как в небесах, так и на земле?»

Однажды, когда она задумалась над известным Христовым изречением «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (*Ин. 14:21*), показалось ей, что она более, чем кто-либо другой, обязана проявлять любовь к Богу в большом усердии при соблюдении божественных Его заповедей, а потому воскликнула: «Любовь, если другие связаны одним вервием, понуждающим повиноваться Твоим заповедям, то я хочу быть связанный десятью, ибо ведь всё сладостно и полно любви, и Ты не приказываешь ничего такого, что подчиняющихся ввергает во зло, наоборот, приносишь мир, любовь и единение; хотя понять это невозможно, пока сам не испытаешь».

[39] Однако её пылкое сердце испытало сие в изобилии, о чём она сама часто свидетельствовала при окружающих, говоря: «Ах! Если бы я могла вам сказать, что чувствует моё сердце!» Когда же Екатерину спросили, не соблаговолит ли она поведать что-нибудь им в утешение и наставление, она ответила: «Я не нахожу слов, способных выразить столь пламенной любви; лишь могу сказать вам, что если бы хоть единственная искра из сердца, чувствующего сие, упала бы в ад, он целиком вывернулся бы из себя наизнанку – в вечную жизнь, потому что там стало бы

столько любви, что бесы стали бы ангелами, а муки – утешениями, ибо мука с любовью к Богу сосуществовать не может».

Сии и другие такие же вдохновенные слова несказанно воспаляли сердца слышавших их и внушали восхищение этой дамой, подобной любящему серафиму, бесчисленному множеству людей, среди которых был некий инок-проповедник, который, наслушавшись из уст её разных достоивных речей о любви божественной, решил то ли испытать дух её, то ли склонить её к иночеству, а потому начал превозносить преимущества последнего в сравнении с мирским благочестием, добавив относительно себя, что благодаря пострижению в иноки ему проще любить Бога, чем ей, ведь, когда распрощаешься со всем земным, обретаешь больше способности и свободы любить Бога своего, каковой свободы-то ей и не хватает, поскольку она всё ещё связана с миром посредством брачных уз.

[41] Едва Екатерина услышала речь его, как, не в силах терпеть, чтобы её любви были предписаны пределы, со всей резвостью вскочила на ноги и с горящим лицом да с блеском в глазах, как бы вне себя от любви, бурлившей в её сердце, разразилась такими словами: «Если бы меня убедили, что этим своим капюшоном ты придал бы мне хоть малейшую искорку любви, я бы никак не смогла удержаться от того, чтобы отодрать его у тебя от накидки. Ну а что насчёт твоего утверждения, будто в силу мироотречения своего и иноческого состояния, в котором ты пребываешь, ты постоянно копишь заслуги, а потому их у тебя больше, чем у меня, то что ж, молодец – в это я вникать не буду. Однако же в том, что я не могу питать к Богу такой же сильной, как ты, любви, никогда меня не убедишь, ведь любви невозможно помешать, а если бы оказалось возможно, то значит, она не вполне чиста и её предстоит очистить».

Он произносила эти слова с таким пылом, что волосы у неё совсем распустились и упали ей на плечи, так что в это мгновение показалось, что она обезумела.

[41] Оставив всех окружающих в изумлении, она удалилась в свою комнату, где излила свою любовь к Богу, воскликнув: «О Любовь! Кто может мне помешать Тебя любить? Даже если бы я жила в военном лагере, не говоря уже о том состоянии, в котором сейчас нахожусь, я бы не уstraшилась, что кто-нибудь помешает мне любить Тебя, ведь если бы мирская суэта, или семейное положение, или что-либо другое могло бы ей помешать, то чем бы она была, как не вздором каким-то... Но я-то знаю, что любовь побеждает всё!» А поскольку тот, кто говорил с нею, запросто мог счесть, что она введена в заблуждение бесом, то заготовила такой ответ: «Я не в силах поверить, что любовь самоотверженная может когда-либо стать средством бесовской прелести». Относительно этого она получила особое объяснение от Бога, Который, заговорив с нею внутренне, удостоверял её, что чистую любовь, каковая есть Сам Бог, не победить, не затруднить, не сдержать ничем, что ничто свободу у таковой любви не отнимет, и в прелесть она впасть не может; и поэтому, поощряя её неустанно такую любовь в себе пестовать, Он сказал её сердцу: «Я не хочу, чтобы ты когда-либо обращала свой взор на что-нибудь, кроме любви; здесь хочу тебя утвердить, и да не уклонишься от сего, чтобы ни случилось с тобою либо с другими, будь то внутри или вовне».

[42] Соблюдая сей закон, продиктованный ей Богом, Екатерина постоянно возрастала в горячей любви, а поэтому часто сокрушалась о том, что встречаются люди, равнодушные к Нему, ибо ей казалось совершенно невозможным, чтобы можно любить что-то иное, кроме Бога, что-то вне Его, особенно, если принять во внимание безмерную любовь, которую сам Бог питал к роду человеческому, ради спасения коего стал человеком и не отказался претерпеть жесточайшие страдания и жутчайшую смерть. Поэтому при размышлениях о тяжких муках, претерпеваемых Искупителем людей, и неблагодарности сердец их, несмотря на что любвеобильнейший Бог не перестаёт осыпать неблагодарного человека милостями, вздымалось в ней пламя сие, сжигавшее сердце. Вспоминая же, что после долгого времени теплостудности Божия благодать прямо-таки чудом призвала её, дабы наделить её призванием Магдалины и Павла, святая дивилась божественному милосердию и молвила в совершенном исступлении от любви. «Бог стал человеком, чтобы сделать меня Богом, и поэтому я попытаюсь приложить все силы, чтобы через целостное общение стать Богом. Что мне над небесами, Боже мой, если не о Тебе гореть будет сердце моё здесь, на земле? Я не желаю ничего, кроме Тебя, Господи мой, и никогда не смогу успокоиться, доколе не достигну того мгновения, когда полностью сокроюсь в Твоём божественном сердце, где исчезают все тварные образы».

[43] Вот так ширился пожар любви, что с каждым днем всё крепчая, палил её сердце, посему, не довольствуясь любовью разумных существ, она то и дела призывала существа бессмысленные любить своего Бога. Поэтому иногда она входила в сад при доме своём и, взирая на растения, молвила: «Разве вы не создания Бога моего? Так любите же Его и благословляйте!» Правда, такого рода воздыхания не только не утишали несколько пламени в её сердце, но, напротив, ещё прибавляли мощи божественному огню, а когда ей было не по силам унять его, сердце её колотилось с такою силой, что, казалось, вот-вот со всего маху вырвется из груди, а поскольку оно становилось слишком тесным, чтобы удержать столь могучий пыл любви, то он выступал на поверхность тела, которое разогревалось настолько, что если кто подносил руку, не мог вынести жара. В той области, что напротив сердца, образовалась язва, доходившая прямо до противоположной стороны, поэтому, чтобы защитить её, она ходила, приложив к ней ладонь, ведь она не могла никому позволить прикоснуться к этому месту, иначе её пронзала страшная боль.

[44] Иные порывы божественной любви, охватывавшие дух сей пылкой Влюблённой, были так сильны, что, задыхаясь, она едва находила силы выдавить из себя несколько невнятных слов, говоря: «Моё сердце совсем изнемогло; я чувствую полное изнурение от любви». Поэтому неудивительно, что она говорила тем, кого наставляла в добродетели, что если они осмотрят её сердце после смерти, то убедятся, что оно сожжено любовью (*этого после смерти святой не сделали. – прим. пер.*).

Иногда она удалялась в комнату и там, простершись на полу, восклицала: «Любовь! Я больше не могу!»; и, извиваясь, как змея, издавала такие вздохи и причитания, что слуги, сбегавшись, на все лады старались утешить её, но вотще, так как никто не смог бы принести ей облегчение, кроме той самой любви, которая сладостно мучила её.

Иногда, забившись в какой-нибудь уголок, она лизала языком землю и, думая, что её оттуда не может быть слышно, разражалась громкими криками.

Короче говоря, любовь стала частью её натуры и горела в её груди, но как – того она и сама не смогла бы изъяснить, из-за чего говаривала: «Я ощущаю в своём сердце такое чувство любви, что уверена: если бы я положила руку на материальный огонь, мне было бы легче удержать в нём свою руку, чем своё сердце в столь могучем пламени сей истинной любви, каковую я не могу ни словами выразить, ни разумом постичь».

ГЛАВА. X. О ДОСТОДИВНОМ ЕДИНЕНИИ ЕКАТЕРИНЫ С БОГОМ

[45] Нет никого, кто бы не знал, что любви прежде всего присуще соединять любящего с возлюбленным, так чтобы двое стали одним. Поэтому-то и получилось так, что неизреченная любовь, которую Екатерина питала к Богу, совершенно оторвала её от всего тварного и необычайным образом соединила с Высшим благом, каковое единение не описать лучше, чем только её собственными его словами. Она часто молвила: «Когда я ем, когда пью, иду, стою; говорю ли я или молчу, сплю или бодрствую; в церкви ли нахожусь или дома, или вне дома, здорова ли, или немощна, умираю ли, жива ли – хочу, чтобы в каждый час и миг на протяжении моей всё это пребывало в Боге и чрез Бога».

И всё же, несмотря на таковое расположение чувств, она исполняла работу с такой точностью, что всякий бы оцепенел от изумления, видя, как она пользуется всеми членами тела и чувствами, а в то же время отчуждена от них. Если она заходила в церковь на святую литургию, либо послушать проповедь, либо на службу Часов, то стояла, настолько погружившись во внутреннее общение с Богом, что не видела ничего из того, что священнослужители свершали у алтаря и словно бы ничего не слышала из того, что возвещали проповедники с кафедры; а иначе ей и не подобало поступать, раз любовь её нежная не позволяла.

[46] Часто случалось, что, когда ей приходилось основательно заняться бытовыми хлопотами (*externis occupationibus*) или требовалось поговорить с кем-нибудь, или внимательно выслушать просьбу, она старалась изо всех своих сил, чтобы помочь ближнему в хлопотах этих. Однако, чтобы не пренебречь при этом своим долгом, она просила Господа оказать ей божественную Свою помощь, чтобы сделать ровнёхонько столько, сколько требовала необходимость. Когда же [молитва её] бывала услышана, она ходила, говорила, отвечала и действовала так, что всякий мог подумать, будто она все свои помыслы направила на подобные действия. А на самом деле дух её был занят совсем другим, ибо в то же самое время она наслаждалась совершенным единением со своею Любовью, и поэтому по окончании дела она признавалась: «Не знаю, что я такое говорила».

Когда порой ей было нужно сосредоточиться на делах, касающихся либо её собственного домашнего хозяйства, либо управления приютом, она, ничуть не загружая свой разум какими-либо трудами, старалась расправиться с ними как можно скорее. Духом она при этом так далеко всегда находилась от бытовых занятий, что едва справлялась с каким-нибудь заданием, как совершенно забывала о нём, не удерживая и следа о нём в своей памяти.

[47] Св. Екатерина так трепетно относилась к сему единению с Богом, что ей из опасения, как бы что-нибудь тварное не встало меж её духом и Высшим благом, казалось почти невозможным вместе с Богом любить и ближнего своего. Поэтому как-то раз, обратившись к Любви своей, она сказала Ему: «Господи, Ты велишь мне любить ближнего моего, ну а я не в силах любить никого, кроме Тебя, и не хочу, чтобы к моей любви к Тебе хоть на миг примешалась любовь к чему-либо иному, что не есть Сам Ты. Так же мне делать, о Любовь?» Она тотчас же получила внутреннее наставление от гласа Божия, который научил её тому, что всякий, любящий Бога, должен в равной мере любить всё, что любит Он, и что, следовательно, она должна любить и ближнего, к которому Бог питает безмерную любовь, и когда нужно, подобает приложить ради его спасения все силы душевные и телесные.

Вот поэтому-то она, если узнавала, что выпадает благоприятный случай оказать помощь ближнему, никогда не упускала его, какие бы при этом ни грозили ей беды, какой бы опасности ни подвергалось её собственное спасение.

[48] Однако, занимаясь служением ближнему, Екатерина неизменно радела о том, чтобы тень земных созданий, в кругу которых она находилась, не затмила образ Создателя, неизгладимый отпечаток коего она хранила в своём сердце, а потому вымолила у Бога способность по исполнении долга любви к ближним утрачивать всякую память о них.

Зачастую, описывая своё глубочайшее единение с Богом, она использовала известное изречение св. Павла: «Кто отлучит меня от любви Божией?» (*ср. Рим. 8:35*) перечисляя все [препятствия], упоминаемые Апостолом; и в самом деле, ни обиды, ни оскорбления, ни удачи, ни невзгоды, ни болезни, ни искушения, ни какие только себе можно вообразить события даже на ничтожное мгновенье не могли оторвать эту избранную душу от Бога её, с Коем она алкала всё более крепкого единения, отчего в последние годы жизни, увидев покойника или заслышав разговоры о смерти, она внезапно проникалась поразительной внутренней радостью, потому что в ней поднималось стремление наконец-то совлечься сего смертного тела, дабы соединиться со своей вечной Любовью нерасторжимыми узами.

[49] Чудесное единение Екатерины с Богом возросло да такой степени, что с некоторых пор она самой себя не видела и не осознавала, целиком преображённая любовью – в самого Бога, что не выразить точнее, как лишь её собственными словами, часто ею повторяемыми: «Бог – моё бытие, моя сила, мое благо, моя улада, моё счастье... Впрочем, я называю это «моим», постольку, поскольку в словах не могу иначе выразить, однако же не знаю ничего, что было бы в большей мере «моё», или «улада», или «благо», или «сила», или «крепость», или «полнота счастья»; и я не могу обратить свой взор ни на что вне Бога, будь то на небе или на земле, так что мне даже стыдно произносить слова, столь несоответственные тому, что есть и что я ощущаю в себе».

В другой раз, чувствуя всецелостную поглощённость Богом, она молвила вместе с апостолом: «Я живу, но уже не я, а живёт во мне Христос (*ср. Вульг. Гал. 2:20*). Не поняла я, есть ли у меня душа, или тело, или сердце, или воля, или что-нибудь ещё; и ничего иного не вижу, не чувствую и не ощущаю, кроме чистой любви, настолько, что, переживая полное преображение в Бога и обретя от Него уверенность, уже не

боюсь, что могу потерять Его; поэтому надежда моя утратила силу, а через бодрствующую во мне любовь я вижу, что и веры у меня больше нет».

ГЛАВА. XI. О НЕОБЫЧАЙНОЙ ЛЮБВИ, КАКОВУЮ СВЯТАЯ ИСПЫТЫВАЛА К ИИСУСУ, СОКРЫТОМУ В ОБРАЗЕ ЕВХАРИСТИИ

[50] Итак, все помыслы Екатерины устремлялись к самому тесному единению с Богом, какое только позволено достичь земному созданию. При этом она сознавала, что наиболее действенным к сему средством, оставленным нам божественным нашим Наставником и Искупителем, является вкушение Тела Его, сокрытого в образе Евхаристии. Именно поэтому сие было средоточием всех устремлений св. Екатерины. Она чувствовала, что её влечёт какая-то нежная сила ко вкушению сего ангельского хлеба, так что, сколько бы она ни старалась во всём прочем сообразовываться с волей других, не желая ничего из того, что другим нелюбезно, однако тут была не в состоянии приспособить свою волю к чужим предпочтениям.

Поэтому, когда ей было велено не приступать к священной Трапезе, она, конечно, со всей готовностью подчинилась бы и воздержалась от неё, но всё-таки не в силах была бы подавить желание приять своего Господа, сокрытого в образе Евхаристии, как сама засвидетельствовала, сказав: «Если священник говорит мне: «Я не хочу, чтобы ты принимала Евхаристию», - то что ж, его право; но я не в силах сказать: «Я не хочу»».

[51] Именно поэтому, даже несмотря на крайне срочные дела, в которые она довольно часто вовлекалась, и на тягчайшие болезни, которыми нередко подолгу страдала, она не проводила ни дня без подкрепления Святым Причастием, а если порой её принуждали воздерживаться от оно́го, она испытывала нестерпимые муки; казалось, она ни за что не выживет без Пищи небесной. Многократно проводили опыт, действительно ли сие наитие у неё от Бога, но всякий раз, как ей воспрещали вкушать Тела Господня, она столь явственно страдала, что наблюдавшие, проникнувшись жалостью, отчётливо осознавали, что подобные опыты противны Божией воле.

Некий инок, недостаточно знавший дух её, вступив с ней однажды в беседу о ежедневном принятии Евхаристии, дерзнул свысока заявить, что такой навык весьма вероятно может привести к смертному греху (*vitium*), что он и попытался доказать разными доводами и цитатами из Учителей Церкви (*auctoritatibus*). Сие повергло в ужас в чуткую совесть Екатерины, которая, опасаясь греха, заставила себя на несколько дней отложить вкушение Евхаристической трапезы, так как сей страх пересилил утеху и радость Святого пиршества.

[52] Но сие воздержание не прошло святой даром, ибо в те дни она страдала столь необычайно сильными болями, что её близкие, перепробовав то и сё, убедились, что единственное лекарство – приказать ей возобновить ежедневное участие в литургии, что было ею прервано, и потому незамедлительно послали гонца к инок, который тут же предписал ей в дальнейшем каждый день вкушать Бога своего и освобождал её совесть от всех сомнений, вызывавших у неё ужас перед грехом.

Однажды, когда она так тяжело хворала, что её жизнь была под вопросом, а врачи не знали, чем облегчить страдания тяжелобольной, она, просвещённая Богом, сказала

своему духовнику, что если трижды вкусит Святой Евхаристии, то все боли, что гнетут её, утихнут. Так и вышло, ибо после третьего причащения она пошла на поправку и совершенно выздоровела. Причём уже после первого, сообщая о стеснении сердца, что её страшно мучило, она сказала: «У меня какое-то не такое сердце, не как у других, ибо моё не услаждается ничем, кроме Господа своего, а потому дайте Его мне!»

Вообще, было совершенно очевидно, что только сие яство помогало сохранить её жизнь в целости, так как простое лишение оного странным образом её изнуряло, принося смертельные муки.

[53] Как-то раз Екатерине приснилось, что днём ей не удастся принять Евхаристии, отчего она исполнилась такого горя, что, как бы ни трудно было ей [во сне] разрыдаться, проснувшись, она обнаружила, что подушка вся промокла от слёз. И вот с той-то поры, когда с необычайной силой обновился изначальный пыл её жизненный, она прониклась столь пламенной любовью к Иисусу, сокрытому в Евхаристии, что питала святую зависть к священникам, видя, что им позволено преломлять сие священное Тело и ежедневно вкушать оное, и чуть ли не сетовала, что и ей в день святейшего Рождества не позволено отслужить три мессы, которые, как она видела, служили иереи.

Нередко бывало, что, присутствуя при бескровной Жертве, она восхищалась духом, но никогда не случалось, чтобы она не приходила в себя, когда подходила пора святого причащения. [Однажды] она в такое мгновение, обращаясь к Богу, молвила: «Господи, думаю, даже мертвая, я бы ожила, чтобы приять Тебя, а если бы мне подали неосвящённую гостию, я бы отличила её по вкусу, как вино от воды». По этой причине, когда священник медлил с приятием Св. Таин, каждый миг ей казался долгим; она попросту не могла вынести, что гостия пребывает вне её сердца, требовавшего пропитания.

[54] В году 1489 по не известной мне причине случилось так, что на нескольких дней город Генуя подвергся церковному интердикту от Верховного понтифика Иннокентия VIII. Из-за этого святая, которая не могла, по своему обыкновению, приступить к Евхаристии, благодаря находчивости любви, измыслила способ, как получить её, и отправлялась каждый день за тысячу миль за город в некую церковь, чтобы там вкушать от священной Вечери, и казалось ей, что её тело способно переноситься в любое место со скоростью духа самого: так могуче влекло её стремление всегда пребывать в единении с возлюбленным своим Благом.

ГЛАВА. XII. О СВЯТОЙ НЕНАВИСТИ, КОТОРУЮ ОНА С ОГРОМНОЙ СИЛОЙ ПИТАЛА КО ВСЕМУ, ЧТО МЕШАЛО ЕДИНЕНИЮ С БОГОМ

[55] Если трудно объяснить, сколь велика была любовь, которой пылало сердце св. Екатерины к Богу, с Коим она уже в сей жизни была глубочайше соединена, то ещё сложнее выразить сущность той ненависти, что она постоянно питала ко всему, отделяющему душу от высшего Блага. В начале, когда только обновился её духовный пыл, она не могла вспомнить об ошибках прошлого без негодования о всякого рода грехах, как бы малы они ни были, так что молила о суде и отмщении для себя самой, говоря: «Не желаю в сей жизни милости и милосердия, но суда и кары», - и, похоже, с этой целью ничуть не стремилась получать полные

индальгенции; ибо, хоть высоко их ценила, чувствовала перед ними великое благоговение и считала их чрезвычайно благодетельными, но относительно самой себя хотела бы видеть, как [грех] наказуется по заслугам, нежели отпускается благодаря столь великодушному извинению.

[56] Она предпочла бы претерпеть любую казнь и пытку, чем выносить один вид того, как оскорбляют Бога; и поэтому говаривала: «Любовь моя! Я могу вынести что угодно, но оскорбить тебя – это так для меня ужасно и невыносимо, что молю Тебя, вели мне подвергнуться любым мукам, лишь бы не довелось мне оскорбить Тебя! Как бы я хотела, чтобы тех обид, что я Тебе причинила, не было! Нет у меня оправданий ни одной из моих прежних провинностей перед Тобою, но лучше позволь в смертный час явиться мне всем бесам со какими угодно ужасами и мучениями, ибо я почту их за ничто в сравнении с нанесёнными Тебе оскорблениями, пускай и мелкими... Впрочем, не может быть мелочью то, что оскорбляет Твоё высшее Величество».

Эта ненависть, с какой святая относилась к греху, тем паче в ней возрастала, чем яснее представлялось её разумению его уродство и наказание, причитающееся за него. Когда Бог однажды показал ей, насколько плох был всего лишь один простительный грех, она молвила: «Теперь, когда я увидела, что влечёт за собою малейший проступок против Бога, я не знаю, как мне жить! И если мне показалась столь ужасной лишь тень единственного простительного греха, что ж будет от греха смертного? Я думаю, что если бы кто-нибудь бессмертный увидел это, стал бы смертным, ведь если бы это едва различимое видение, промелькнувшее в единый миг, продлилась ещё хоть немного, мое тело обратилось бы в ничто, будь оно даже несокрушимо, как сталь. И хотя мне кажется вздором всё, что бы я ни сказала, учитывая, что я [ещё многого] не в состоянии понять, знаю [точно], что тогда я чуть не погибла, ведь это краткое видение до того встревожило меня, что кровь закипела в жилах и все жизненные силы тела иссякли, оставив меня в полном изнеможении».

[57] Отсюда взяло начало то величайшее отвращение, с которым она относилась ко грехам не только в себе самой, но и в других. Поэтому, если случалось так, что она не могла найти оправдание провинности ближнего, но все же не имела сил поверить, что сия была допущена им по доброй воле, ибо ей казалось, что невозможно существу, наделённому разумом, дойти до того, чтобы с полным осознанием оскорбить Бога, то, обращаясь к грешнику, она восклицала: «Куда ты рвёшься, человеке несчастный?! На что тратишь время, которое тебе так понадобится?! На что тратишь силы, потребные для стяжания небес?! Чем занимаешься, когда должен позаботиться о душе своей?! Для чего приберегаешь душу, которую нужно сопричесть Богу? Ты всё это обратил в землю, которая есть не что иное, как семя, чреватое плодами, коими ты будешь кормиться вместе с бесами в преисподней, где пребудешь в отчаянии, потому что лишишься славы, для которой был создан, к коей Бог призывал тебя столь кроткими вдохновениями; и увидишь, что не Его [помощи] недоставало тебе, а исключительно твоей [готовности ответить] Ему».

[58] «Посему знай, что если бы человек увидел, что влечёт за собою один-единственный грех, он бросился бы в распалённую печь, предпочтя там

жительствовать телом и душой, нежели допустить грех; а если бы было море огненное, он нырнул бы прямо в него до самого дна, откуда никогда бы не вышел, зная, что ему придётся хоть глянуть на упомянутый грех».

И ненависть её ко греху состояла не просто в умозрительном его рассмотрении, но, принимая во внимание то, что его мощным источником является наша свободная воля и низшая часть человека, она пылала негодованием к ним, как к богопротивным силам, говоря, что каждый, кто желает богообщения, должен бороться со всем, что враждебно Богу; и что не найти ничего хуже и противнее Богу, чем низшая часть человека и тварная воля, так что прежде всего следует возбуждать в себе ненависть к ним обоим, причём сама питала такое отвращение к тому и другому, что в тех пределах, где это позволяется, презирала их, словно бы создания, которые без благодати Божией годны только на то, чтобы оскорблять Его.

[59] Из-за столь лютой ненависти к самой тени греха проистекала столь необычайная осмотрительность, что от мгновения божественного призвания до самого конца жизни она ни разу добровольно не совершила ни единого греха, даже лёгкого. Но поскольку по человеческой слабости не могла избежать легчайших, невольных ошибок, то, если что-нибудь такое с нею случалось, она (несмотря на уверенность в том, что нет в этом никакой её прямой вины, потому что воля её в том не участвовала) горько скорбела, подобно примерному юноше нежных лет, чьё лицо покрывается румянцем стыда, когда доведётся ему получить нагоняй за то, что он невзначай допустил непохвальный поступок. Так и она узнавала, что оступилась, скорее тогда, когда другие ей о том говорили, а поэтому, когда склонялась у ног исповедника, дабы принять таинство отпущения грехов, молвила: «Не понимаю, как мне начать исповедь, ибо я не замечаю в себе ничего, заслуживающего порицания; не могу сказать, что уязвляет мою совесть. Не хочу пропускать исповеди, а какому греху приписать чувство вины, неизвестно; желала бы обвинить себя, а не получается».

ГЛАВА. XIII. О ЛЮБВИ ЕКАТЕРИНЫ К БЛИЖНЕМУ

[60] Поскольку все чувства Екатерины не воспринимали иного наставления, кроме как от самого Бога, она постигла, как правильно сочетать с любовью к ближнему полное отчуждение от сотворенных вещей, так что, не имея и тени страха запятнать чистоту любви своей, она, подобно солнцу, на всех разливала благотворные лучи милости. Нет надобности повторять здесь истории о замечательных делах милосердия, совершённых ею для больных бедняков, заботе о благополучии которых она посвятила почти всю свою жизнь, помогая им то в разных частях города, то в приюте, как уже было сказано выше. Поэтому достаточно будет немного поглядеть на то, с какой огромной любовью она относилась к людям всякого рода без различения, стараясь доставить своему ближнему прежде всего духовные утешения, когда видела его нужду в таковых.

[61] Была в городе Генуе некая девица, по попущению Божию одержимая злым духом, который крайне жестоко с нею обращался: часто повергал её наземь и ранил её так и эдак, нередко чуть не до смерти; а кроме того, что ещё хуже, мучил душу её жутчайшими искушениями, причиняя ей такие муки, что она потом был готова впасть в отчаяние. Из-за этого она не только близким приносила несчастье, но и для

самой себя стала невыносима и не знала, куда обратиться, чтобы снискать хоть какое-нибудь облегчение измученному своему сердцу. И вот, привлечённая молвою о героической милости Екатерины, она ринулась к ней в надежде наконец обрести по её заступничеству то, что иными средствами оказалось недостижимо.

Екатерина приняла её с величайшим радушием, оказав ей гостеприимство в своем собственном доме; и едва несчастная девушка переступила порог его, как она тотчас же ощутила, что муки, теснившие её, стали заметно легче. Ну а святая дама уразумела, что это Бог ниспослал на сию девицу (во всём прочем безупречного нрава) сие бедствие, чтобы очистить её и охранить в ней смирение, [а потому в дальнейшем] неустанно укрепляла её святыми назиданиями и превосходными советами, то наставляя её в святой любви Божией, то увещевая её к терпению скорбей, покуда девица, проведя остаток жизни своей в благочестии, не отошла в покой вечный.

[62] Здесь не подобает обойти молчанием одно достопримечательное событие, которое произошло в то время, когда вышеупомянутая одержимая жил при св. Екатерине. Однажды она простерлась у стоп Екатерины и в присутствии их общего духовника бес устами одержимой произнёс следующие слова: «Мы оба невольники той чистой любви, которую ты носишь в сердце своём», – но тотчас, раскаявшись в сказанном, с яростью поверг несчастную на пол, где она, змееподобно извиваясь, колотила руками и ногами. Затем, когда она поуспокоилась, духовник приказал произнести имя присутствующей там дамы, и демон с готовностью ответил, что её зовут Екатерина, а когда он сверх того повелел назвать прозвище, несчастная бесноватая после ряда мучительных судорог под угрозой экзорцизма рявкнула: «Екатерина-Серафим», – и таковое имя вполне подходило, ибо та, что непрестанно пылала любовью к Богу, ничего не жаждала сильнее, кроме как и в других сердцах разжечь его.

[63] Среди прочих больных лежала в приюте женщина, состоявшая в Третьем Ордене Святого Франциска, которая, обессилев от чумной горячки, уже восемь дней не могла говорить, а уже надвигались предсмертные муки. Святая дама часто подходила к ней и то и дело увещевала её призвать Иисуса, хоть и безуспешно. Наконец, Екатерина заметила, что больная шевелит губами в ответ на повторные увещевания и уверилась, что та пытается, произнести святое имя Иисусово, но не может. Ни во что не вменяя угрозу для собственной жизни и совершенно презрев опасность заразиться, она не смогла удержаться от того, чтобы с нежнейшей ласковостью запечатлеть поцелуй на устах, которые, по мысли её, пытались изречь сладчайшее Имя. Сие прекрасное проявлением милости неизбежно сопровождалось опасностью для жизни, ибо, заразившись тем же самым, она захворала смертельным недугом. Однако по божественному устроению она на благо ближних выжила и выздоровела, возобновив со свойственным ей искренним рвением свои труды пылкого милосердия.

[64] Св. Екатерина была чрезвычайно благожелательна и ласкова, стараясь добиться сердечного расположения всех, с кем общалась, исключительно ради обращения их к Богу. Многие знаменитые люди стекались даже из самых отдалённых стран, чтобы и святостью её налюбоваться, и послушать возвышенных наставлений её небесного учения, примером коего может послужить «Собеседование между душою и телом», а

также составленный ею «Трактат о чистилище», которые снискали общее восхищение, особенно же у двоих святых: Франциска Сальского и Алоизия Гонзаги.

Среди столь великого множества её посетителей не было ни одного, кто бы не почерпнул из её слов духовной пользы и утешения, так как она, упреждая каждого необычайно любезным обхождением, укрепляла всех в скорбях, давала им советы в их сомнениях и любого умела так вдохновить к [соблюдению] заповедей любви Божией и [устремлению к] жизни вечной, что многие, избрав её себе в духовные матери, обсуждали с нею все вопросы, касавшиеся духовной жизни и пользы ближнего.

[65] Среди прочих выдающихся учеников сей наставницы милосердия был благочестивейший Этторе Верначча, муж, чрезвычайно уважаемый в Генуэзской республике, который, повинаясь советам и наставлениям Екатерины, так преуспел на пути добродетели, что, оставив все мирские дела, целиком посвятил себя трудам во славу Божию и на благо ближнего, как телесное, так и духовное: строил церкви, учреждал приюты и другие богоугодные заведения, которые в главнейших городах Италии доселе являют собой вечные памятники благотворных дел милосердия. Он был одним из первых, кто основал приют для неизлечимо больных в Риме, уже после того, как заложил такой же у себя на родине в Генуе, где он кроме того основал пару монастырей, один – для инокинь, другой, названный в честь св. Иосифа, в качестве убежища для порядочных бедных юниц, где бы они могли укрыться от опасностей мира. В городе Неаполе он учредил товарищество, названное «Белыми». Эти «Белые» взяли на себя милосердную обязанность поддерживать и сопровождать несчастных, приговоренных к смерти на виселице.

[66] Он же основал генуэзский «лемокомий» – лазарет для ухода за бедняками, заразившимися чумой, выделив на их содержание огромную часть своих доходов. Также он позаботился об установлении постоянного фонда для нескольких врачей, которые обязывались бесплатно лечить болезни тех городских нищих, кто был чересчур стыдлив [чтобы просить милостыню]. Ну и наконец, в то время, когда в городе Генуе свирепствовало моровое поветрие, он пожертвовал жизнью при уходе за бедными и больными, а в довершение заслуг своих, умирать предпочёл в приюте для неизлечимых, предварительно записав оный наследником своего имущества.

Все сии, а также многие иные деяния дивного милосердия были преобильными плодами той любви, что излилась из пылающего сердца Екатерины, воспламенив сердце её послушнейшего духовного сына. Об этом свидетельствует писатель «Жития» досточтимой рабы Божией Баттисты Верначча, регулярной канониссы, достохвальной дочери Этторе, которой святая Екатерина была восприемницей то ли от святой купели, то ли при миропомазании (точно не знаю), и которая унаследовала от своего земного отца, а также от своей духовной матери святость в сочетании с учёностью, причем о первой ясно свидетельствуют материалы начавшегося процесса её беатификации, а о последней – превосходные духовные сочинения, неоднократно переизданные.

ГЛАВА. XIV. О МИЛОСТИ ЕЁ К НЕТЕРПЕЛИВОМУ БОЛЬНОМУ, ДЛЯ КОТОРОГО ОНА ВЫМОЛИЛА У ГОСПОДА СОВЕРШЕННОЕ ПРИМИРЕНИЕ С БОЖЕСТВЕННОЙ ВОЛЕЮ И СПАСЕНИЕ ДУШИ

[67] Молва о человеколюбии сей святой дамы, которая все более и более распространялась в ближних и отдаленных краях, побуждая всех искать у неё совета и помощи, подтолкнула Арджентину, жену Марко Сале, обратиться к ней в связи с одним тягчайшим несчастьем.

Году эдак в 1495-м у неё слёг муж: его жутко мучила [раковая] гангрена, заполнившая ноздри. Из-за непрекращающихся жутких болей, которыми он страдал и от которых не удавалось избавиться никакими средствами, он впал в величайшее нетерпение и даже отчаяние, отчего его несчастная жена чрезвычайно горевала, видя, что не только здоровье подвергается угрозе, но и спасение души находится в опасности. Вот в таковом затруднительном положении, не зная, что далее предпринять, она отправилась в приют, где обитала святая – обычное прибежище всех страждущих, и, поведав о несчастном состоянии больного мужа, молила её посетить его и как-нибудь поддержать духовно своими святыми словами.

[68] Когда Господь давал хоть какую-то возможность свершить милосердное дело, Екатерина всегда была готова воспользоваться случаем, а поэтому, уразумев, сколь жалостно состояние болящего, тотчас покинула приют и в сопровождении несчастной женщины отправилась в далёкий путь к ней домой, дабы навестить её мужа. В немногих, но мощных словах наставив его потерпеть и принять волю Божию, она вместе с тою же дамой двинулась обратно в приют.

Проходя по улице около церкви, названной в честь Св. Марии Благодатной, святая почувствовала в глубине души зов нежной любви, побуждавший её ревностно помолиться Богу за больного, которого она только что повидала. Посему обе дамы, войдя в означенную церковь, провели там некоторое время в благоговейной молитве, по завершении коей возвратились в приют.

Затем, женщина, попрощавшись с Екатериной, пошла назад домой, где обнаружила, что муж её настолько переменился, что казалось, будто превратился из демона, каким представлялся раньше, в ангела. Как только его жена подошла, он спросил её с радостным лицом и с искренним нежным волнением: «Арджентина, умоляю, скажи мне, кто та святая, которую ты приводила ко мне недавно?» Когда же она ответила, что это Екатерина Адорно, дама праведной жизни, чьим молитвам она вверила его Богу, муж добавил: «Любовью Божией заклинаю тебя, устрой так, чтобы она ещё разок навестила меня!»

[69] Уступив мужу, женщина пришла на следующий день к святой Екатерине и рассказала о его чудесной перемене, после чего стала умолять её навестить его ещё раз. Перемена в устроении больного отнюдь не была неожиданностью для Екатерины, ибо она узнала об этом как раз в то время, когда почувствовала побуждение вознести за него к Богу молитвы, что свершилось по какому-то загадочному единодушию между нею и любимым её Господом. А получилась так потому, что она не могла бы даже начать молиться о чём-нибудь особенном, если бы сперва не ощутила, что её движет любовь Его. Итак, всякий раз, когда она замечала в себе сии сладостные побуждения, то знала, что вскоре будет услышана, ведь для того Бог и подвигал [её на молитву], чтобы услышать.

По просьбе Арджентины она снова пришла к болящему страдальцу, который, завидев свою исцелительницу, не в силах сдержаться от радости, крепко-крепко

стиснул её в объятиях, после чего, проливая из очей обильные потоки слёз, а из сердца испуская горячие вздохи, с величайшей нежностью молвил ей так.

[70] «Сударыня, причина, по которой я жажду тебя видеть, состоит, прежде всего, в том, что я должен благодарить тебя за проявленное мне человеколюбие, а кроме того я хотел бы попросить тебя об одолжении, в котором мне, пожалуйста, не отказывай. Да будет вам [обеим] ведомо, что после того как вы оставили меня, Господь наш Христос Иисус явился мне зримо, в том же виде, в каком предстал Магдалине в саду, и, благословив меня, простил мне все грехи мои, предупредив, чтобы я был наготове, ибо в день Своего Вознесения Он призовет меня к Себе. Поэтому я заклинаю тебя, нежнейшая матушка: соблаговоли принять Арджентину в духовные чада, чтобы она всегда находилась при тебе. Ну а тебя, Арджентина, молю вести себя при этом, как со мною».

Святая пообещала, что просьба больного будет удовлетворена, в чём также поручилась и Арджентина, после чего, ещё раз утешив его, святая ушла, а он, послав за священником, исповедовался пред ним в грехах, явив необычайное сокрушение духа, и после принятия прочих таинств стал сосредоточенно готовиться к благополучному переходу в иную жизнь.

И вот настал канун Вознесения и приблизился его смертный час. Остаток ночи он провёл в святых беседах, увещая жену полностью посвятить себя служению Божию. Предсказав, что ей придётся претерпеть много несчастий (что потом подтвердилось), он сам в день Вознесения в согласии с собственным предсказанием безмятежно предал дух свой Господу.

Св. Екатерина не замедлила с исполнением обещания, данного ею усопшему Марко, но приняла в свой дом овдовевшую Арджентину как духовную дочь. Она всегда нежнейше любила её и усердно наставляла в добродетелях, весьма часто подавая превосходный пример их исполнения.

ГЛАВА. XV. О ЕЁ МИЛОСТИ К МУЖУ СВОЕМУ, ДЛЯ КОГО ОНА СТЯЖАЛА ОТ БОГА ОБРАЩЕНИЕ И СВЯТУЮ СМЕРТЬ

[71] Любовь к ближнему лучше всего проявляется и усовершенствуется в те времена, когда сталкивается с досадениями, пороками и неприязнью со стороны другого; и тогда гораздо глубже очищается, когда встречается с такими [отношениями] между людьми, тесно связанными друг с другом. Поэтому-то, если милосердие св. Екатерины поразительно ярко сияло, когда, внимательно исполняя внешние обязанности, она навлекала на себя множества тягот и неудобств, то тем ярче оно возблистало среди длительных скорбей, которые по Божию попущению святая переносила от собственного мужа. Ведь, не обращая на сие [дурное обращение] почти никакого внимания, она в надежде приобрести [для Бога] его душу при всех обстоятельствах держалась стези человечности и доброжелательства, стремясь лишь к одному: отвратить его от скверного образа жизни.

До тех пределов, какие ей позволяла собственная совесть, она беспрекословно во всём ему подчинялась, как бы ни было это тяжело и трудно. Оскорбления она принимала без малейшего душевного волнения, а гневливость его старалась унимать то словами, исполненными смирения и ласки, то безмолвием; и почти

совершенно воздерживаясь от жалоб, сносила его тяжёлый характер, всячески избегая случая его взбудоражить.

Она жила уединённо в своей комнате вдали от всякого общества и выходила только для того, чтобы послушать одну мессу, побывав на которой, немедленно возвращалась домой присматривать за хозяйством, чтобы лишней раз не злить гневливца, которому не нравилось, когда она задерживалась в церкви, ведь она считала, что мир с мужем важнее личного благочестия.

Итак, если подытожить всё вкратце: она неизменно стремилась воздать добром за зло при условии, что со временем преодолеет резкость своего характера.

[72] И, конечно, никаких перемен в Джулиано, замеченных за ним с течением времени, невозможно приписать ничему иному, кроме кротости и святости Екатерины, которая всё время могуче и одновременно нежно побуждала его изменить поведение.

Уже в прежние годы, поддавшись склонности к расточительству, он истратил большую часть своего обширного наследственного богатства и уже чуть было не впал в нужду, как однажды сообщил о состоянии как своих личных, так и семейных дел святой супруге. Тогда он впервые проникся почтением к её деяниям и достойному житию и под впечатлением от её святых советов решил переменить поведение: жить с нею целомудренно, как обычный брат с сестрою, а чтобы ещё полнее посвятить себя служению Божью, принял хабит Третьего Ордена Св. Франциска.

[73] Однако этого решения для Джулиано оказалось недостаточно, чтобы обуздать буйный и безрассудный характер, так что благочестивая жена его, которой он частенько оказывался в тягость, больше уже ничего не в силах предпринять относительно его пороков, которые ему самому всё больше досаждали, по крайней мере помышляла о тех мгновениях, ради которых стоило любить его. Из благоговения перед Небесным провидением она терпеливо сносила мужнины выходки, покорно принимала решение Божие. Иногда она полагала, что оказалась в сем браке, дабы упрочить мир между семействами Фиески и Адорно; иногда помышляла, что в этом семействе родится выдающийся служитель Божий, который станет зачинателем нового ордена (каковое предсказание её подтвердилось на досточтимом Августине Адорно, который вместе с досточтимым Франциском Караччоло основал Конгрегацию Уставных Клириков Меньших); иногда же душу ей грела несомнительная надежда на то, что она когда-нибудь стяжает для него от Бога вечное спасение, каковое в итоге ему и вымолила, как мы вскоре увидим.

[74] В 1497 году Джулиано постигла тяжелейшая болезнь, вызванная затруднением мочеиспускания, с которой он долго боролся, влача чрезвычайно мучительное существование из-за невыносимо острых болей, которые не давали ему покоя. А поскольку он по натуре своей боль переносил плохо и был склонен к гневливости, то эти мучения сделали его настолько нетерпеливым, что, не в силах выдержать приступов, он стал впадать в бешенство, часто грубейшим образом проявляя своё нетерпение, чем ужасно досаждал всем, кто ухаживал за ним.

Екатерина не преминула употребить всё своё благожелательство, чтобы облегчить страшные муки, терзавшие больного мужа, а также дабы уговорить его, подчинившись Божией воле, потерпеть тяготы недуга, но всё тщетно. Поэтому она, видя, что смерть его приближается, а он, всё коснея в своём бешеном нетерпении, находится в явной опасности потерять вместе с временной жизнью ещё и вечную, все свои заботы направила на спасение его души. Она удалилась в комнату, отделённую от той, которую занимал больной муж, и, посвятив там полчаса молитве, со слезами и вздохами возносила свои смиренные просьбы к Богу, то и дело восклицая: «Любовь, прошу у Тебя эту душу, пожалуйста, подари мне её, ты же можешь мне её подарить!»

[75] Богу было угодно, чтобы некая её ученица (*Арджентина, вдова Марко Сале. – согл. прим. болландистов*), увидев, как она тихонько удаляется с глаз раздражённого мужа, предугадала, что должно случиться, и тайно последовала за нею. Скрывшись за пролётом лестницы, по которой святая поднималась в упомянутое помещение, она подслушивала трогательные и настойчивые молитвы, коими Екатерина выпрашивала у Бога душу больного; однако, заметив, что та, прекратив слёзы и воздыхания, собирается обратно, сообразительная ученица, опасаясь, как бы не попасться, поживей удалилась, вернувшись скорым шагом в комнату, где оставила раздражённого больного, и там, к изумлению всех находившихся вокруг него (и ничего не знавших о том, чему она была свидетельницей), застала его совсем не таким, каким он был незадолго, ибо, подобно кротчайшему агнцу, он среди страшных судорог, вызываемых непрестанно усиливающейся болезнью, выражал полнейшее согласие с божественной волей и подавал признаки истинной скорби [о былых прегрешениях].

[76] Тем временем вернулась святая супруга. Скрыв в душе тайну, что это именно она вымолила для болящего внезапную перемену, Екатерина просияла улыбкой, оттого, что увидела, как он стал терпелив и совершенно согласен с решением Божиим; она продолжала ободрять его спасительными словами, пока он, мирно встретив смерть, не предал дух свой Богу.

Господь, Который по величайшей благодати Своей молитвами сей святой дамы привлёк к себе душу Джулиано, не пожелал, чтобы мощь заступничества её оставалась сокрыта, а поэтому о ней было поведено вышеназванной ученицей, а затем и сама святая на следующий день, разговаривая с неким добрым иноком, своим духовным сыном, нечаянно проговорила, молвив следующее: «Вчера ушёл в иной мир Джулиано, который, как ты прекрасно знаешь, нрава был немножко вздорного, от чего я претерпела великие душевные муки, но прежде, чем он покинул сей мир, Любовь моя нежная придала мне уверенности в спасении его».

ГЛАВА. XVI. О ГЛУБОКОМ ЕЁ СМирЕНИИ

[77] Нас не должно особо удивить, что, как видно выше, милость св. Екатерины достигла столь возвышенной степени совершенства, ведь сие высокое и благородное здание опиралось на прочные основания глубочайшего смирения. Чтобы уразуметь, насколько Екатерина любила эту добродетель, достаточно будет, отнюдь не повторяя преждеописанного, знать, что она, всегда охотно подчиняясь людям любого рода, так преуспела на стезе святого смирения, что радовалась, когда

ею пренебрегали и порицали её. Поэтому она не только никогда не оправдывалась, когда кто-нибудь упрекал её, но даже радовалась, выслушивая обличения, и более того, никогда не уклонялась от обстоятельств, при которых могла бы навлечь на себя презрение и порицание.

[78] Однако же всё это было ничто по сравнению с теми смиренными чувствами, которые она по отношению к самой себе испытывала в своем уме, ибо, когда бы она ни задумывалась о своём бытии, всегда извлекала из размышления о собственном ничтожестве драгоценное сокровище героического смирения.

«Ясно вижу, — говорила святая дама, — что если во мне и есть что-нибудь хорошее, то все это на самом деле – от Бога; если же допускаю какое-либо дурное деяние, то свершаю его одна и не могу приписывать причину его ни бесу, ни какой-либо другой твари, но только своей собственной воле, страсти, гордыне, себялюбию, вожделению и многим другим злым источникам, ибо, если бы Бог не сохранил меня, я бы стала хуже Люцифера. И для меня совершенно очевидно, что, если бы все ангелы стали меня заверять, что во мне найдётся что-то хорошее, я не смогла бы дать себя убедить в этом, поскольку для меня отнюдь не тайно, что всё доброе обретается только в Боге, а во мне нет ничего, кроме порока».

Поэтому-то, совершенно забыв о своей личности, она никогда не говорила о себе ни хорошего, ни плохого; мало того, даже имени своего старалась не произносить, и ей было неприятно, когда другие его упоминали, ибо она опасалась, как бы естественное начало, и без того склонное ко злу, не возгордилось, услышав, что произносится её имя. И молвила она, что в твари не найти ничего такого доброго, что само по себе влекло бы к благодати и славе, поскольку мы, сотворённые из ничего, по природе своей неизбежно движемся ко злу и без помощи божественной благодати часто впадаем в него.

[79] Её дух так утвердился в сознании своего ничтожества, что всякий раз, когда она слышала от других что-то доброе о себе, она, поразмыслив, обращалась к себе со словами: «Если бы, как я тебя знаю, тебя узнали другие, то не говорили бы подобных слов» В связи с этим она установила себе правило, которого всегда нерушимо придерживалась: «Когда слышишь, что тебя поминают добрым словом, помни, что речь на самом деле не о тебе; и наоборот, когда замечаешь, что о тебе отзываются худо, знай, что можно и побольше этого, впрочем, ты не заслуживаешь даже того, чтобы о тебе молвили хоть дурное слово, потому что тебе и этого, как я посужу, не причитается».

Дабы святое смирение всё глубже укоренялось в сердце Екатерины, Бог иногда лишал её проявлений любви Своей, позволяя ей томиться сухостью духа и скорбями, которыми несказанно терзалась пылкая душа её, но именно в таких случаях Екатерина, выражая радость от того, что смиряет её, очевидно, любовь её, обращаясь к Нему, молвила: «Любовь, а теперь оставь меня, дабы я покорилась Тебе и ни единое из моих [чувств] не имело силы возбудить само себя, ибо знаю, что, если оно лишь чуточку возбудится, ничего не сможет свершить, кроме зла».

ГЛАВА XVII. О ПОЛНЕЙШЕМ СОГЛАСИИ ЕЁ ВОЛИ С БОЖИЕЙ

[80] Екатерина так добросовестно соблюдала правило, которое Бог, любовь её, дал ей (положить в основание духовной жизни слова Молитвы Господней «Да будет воля Твоя», дабы всегда как можно полнее сообразовываться с распоряжениями божественной воли), что казалось, будто она уже более не руководствуется собственной волей, но целиком обратила её в Божию. Поэтому, говоря о совершенстве, к которому возвышается душа, когда в полноте согласуется с божественными указаниями, она молвила о себе самой: «Так усовершилась душа, которая, услышав в глубине своей приказание Божие, более не следовала своей собственной воле, но всегда пребывала в сосредоточении на божественной, что самому Богу сказала: «Я препоручаю Тебе все свои действия, как внутренние, так и внешние, уповаю, что Ты никогда не позволишь мне поступить иначе, как по Твоей воле!» И потому Бог не попустил, чтобы она хоть раз пожелала чего-нибудь по своему собственному выбору, если этот выбор не был направлен волею Божией, вписанной в её сердце».

[81] Благодаря столь совершенному согласию духа [с Промыслом] Екатерина всегда с полным безразличием принимала любое событие, не соглашаясь допускать в своё сердце ни единого чувства, что было бы не вполне сообразно с Божественной волей. Поэтому и получалось так, что она никогда не пыталась печься о собственных земных делах, а всегда позволяла заботиться о них другим; с тем же безразличием смотрела она на богатства своего дома её, как и на расточительство, с каким муж тратил их; почести, коими мир окружал её в пору процветания, были ей ничуть не дороже презрения, которому она подвергалась, оказавшись в нужде; благожелательно относилась она к братьям и сёстрам, но и из известия об их смерти принимала с душевным миром, не выказывая ни малейшей скорби, как будто они были и не родные ей; она в равной мере была готова терпеть и мучительное общество мужа, и разлуку с ним, поэтому некоторым из её друзей, которые после смерти мужа пытались её утешать, представляя её воображению, какое она теперь обретёт спокойствие заодно со свободой, она отвечала, что её ничего не заботит, кроме воли Божией, и ничто из того, что может случиться, для неё не предпочтительнее: доброе ли, худое ль.

[82] Сие безразличие сопровождалось доверием Богу во всём настолько полным, что она имела обыкновение говорить: «Я отдала Любви ключи от моего дома вместе с полнотою власти принимать обо мне какие угодно решения, невзирая ни на душу, ни на тело, ни на силы, ни на родных, ни на друзей, ни на мир; ибо не доводилось, чтобы во мне погасла хоть какая-нибудь искра того, чего требует закон чистой любви». Поэтому, в каком бы положении, в каком бы состоянии – в утешительную ли годину или в тягостную – её ни спрашивали, чего бы она пожелала, никогда никому не удавалось вытянуть из её уст иного ответа, кроме: «Я хочу только того, что мне доводится иметь в сие мгновение». Даже, мало того, когда некоторые предлагали ей рассмотреть различные обстоятельства, характер и условия событий, чтобы определить, к чему склонилась бы её воля, она всегда отвечала то же самое, добавляя: «Благодать Божия – в том, что Он во всякое время, во всяком месте, всячески всем руководит и управляет, всегда желая того, что для нас лучше. Поэтому мы не должны желать ничего иного, кроме того, что во всякое время случается, помимо чего, однако, нам не следует пренебрегать постоянным упражнением в

добре, ибо кто не желает взять этого на себя, ожидая лишь прямых указаний от Бога, тот сам себе послужит искушителем».

[83] Как уже было сказано, она чувствовала, подобно Апостолу, стремление умереть и соединиться с Христом (*ср. Флп. 1:23*), особенно же когда видела какого-нибудь покойника и его погребальное шествие, но тем не менее, как бы ни была могуча была сила оной любви, влекшая её к Богу, она даже в этом подчинила её согласию с Божественной волей, так что, когда однажды в подобных обстоятельствах она позволила себе настолько замечтаться, что помыслила в глубине души: «О, вот бы и для меня просиял сей час!», но, тут же раскаявшись и придя в себя, сказала: «Не хочу, чтобы в этом сердце держалась и самонаименьшая искорка стремлений хоть к чему-нибудь тварному – земному ли, небесному ли; но все отдаю кроткому устройению Божию и распоряжению». И так огорчило её таковое пожелание, проистекшее от душевной немощи, что она не могла успокоиться, пока не сообщила о случившемся духовнику, а он не убедил её, что этот поступок, будучи произвольным (ведь ему не предшествовал умысел), не может считаться нарушением правила безусловного послушания [воле Божией], которого она придерживалась.

Что ещё удивительно в её несравненном смирении сердца, так это то, что, как бы ни сильна была любовь, каковую Екатерина питала к святой Евхаристии, она при этом жила в столь совершенной покорности воле Божией, что никогда её не добивалась, но оставила попечение о том Господу, Который ежедневно добывал её для святой, внушив волю Свою какому-нибудь благочестивому священнику или духовнику.

ГЛАВА XVIII. ЭКСТАЗЫ, ВИДЕНИЯ И ПРОЧИЕ НЕБЕСНЫЕ МИЛОСТИ, КОИМИ БЫЛА ОДАРЕНА СВЯТАЯ

[84] Если можно считать исключительной заслугой сей святой её пренебрежение всем тем, что мир высоко ценит, то, наверняка, важнее было то, что она отвергала, словно духовную заразу, все те явления, что менее просвещенные умы считают огромными милостями небес; поэтому она отнюдь не доискивалась экстазов, видений и прочих небесных милостей, так что даже с ранних лет, как было сказано выше, она смиренно просила Господа, чтобы Он никогда не одарял её ими. Тем не менее, Бог, желая добавить талантов возлюбленной сей душе-работнице, после того, как научил её глубочайшей самоотверженности и совершенному преданию себя божественной воле, лишив её всякого вкуса и желания к плотским и духовным [наслаждениям], изволил осыпать её таким множеством даров благодати, что часто на протяжении многих часов, восторженная в исступлении духа, она предавалась множеству небесных видений.

[85] Чудовищными представлялись усилия, которые святая прилагала к себе самой, чтобы помешать сим явлениям, так что, научившись на опыте, она, едва распознав в душе своей и сердце те сверхъестественные признаки, которые обычно предшествовали сим небесным милостям, делала над собою усилия, чтобы отвратить их приход, терпя из-за этого безмерные телесные муки. Однако она была не в силах помешать божественному действию, после чего, когда она приходила в чувство, её тело бывало так истомлено и ослаблено, что казалось чудом, как она

может оставаться в живых на земле, столько часов в течение дня прожив в небесах, что сопровождалось неопишуемой телесной болью.

Пока в юных летах она имела достаточно сил, чтобы на виду у других держать себя в руках, то, замечая приближение умоисступления, вела себя так, что, если бы не пронизательное святое любопытство тех, с кем она общалась, экстазы, которые она переживала день ото дня, остались бы утаенными. Но в возрасте более зрелом, когда силы телесные начали иссякать, она не могла ни силою воспротивиться им, ни своевременно скрыться, ибо угодно было Богу, чтобы они были явлены всем.

[86] И всё же она не переставала со всей возможной изобретательностью выдавать их за головокружения, каковыми они наверняка и показались бы тому, кто не слышит гласа небесного; однако внешние проявления таковых не ввели в заблуждение слугу Божия дона Каттанео Маработто, коего Провидение избрало стать её первым учеником, а потом еще два пятилетия до святой кончины её быть ей духовным руководителем, который в связи с этим решил обязать её обнародовать небесные тайны, которые в сокращённом изложении и оставил нам вместе со святым её житием.

Когда, вознесшись в экстазе или вне его, она изрекала речи о любви Божией, светлый и румяный лик её сиял, словно у серафима, пылающего любовью, и столь возвышенные учения изливались из уст её, словно от херувима, исполненного небесного познания, так что свидетелей сего охватывало скорбное изумление, и дивились они в ней Божией премудрости, которая подсказывала ей мысли и слова для объяснения предметов столь возвышенных, что далеко превышали они возможности человеческого разума.

[87] Однако она не в силах была выразить и малейшей части того, что Бог возвестил ей в исступлениях ума и в видениях, поэтому по мере сил воздерживалась от всяких разговоров о них, а если всё-таки приходилось говорить, то молвила вместе с Апостолом, что видела то, чего глаз неспособен узреть, а ухо – услышать (*ср. 1 Кор. 2:9*), ибо не находила слов, пригодных для обозначения оных небесных тайн, кои являл ей Бог.

Её видения чаще всего сосредотачивались вокруг безмерной любви Божией к человеку; славы, уготованной Им искренне любящим Его; устроений Вышнего Промысла, уделяющего каждому достаточные средства для обретения небес; вокруг значимости и ценности божественной благодати и духа человеческого, бесчеловечно-неблагодарного за божественные благодеяния, которые на Страшном суде выявят перед всеми, что он недостоин прощения.

[88] Частые исступления чувств и огненные стрелы любви, которые Бог нередко ниспосылал в сердце её по образу светозарных лучей, что сопровождалось неопишуемыми судорогами измученного тела, по достижении пятидесятилетнего возраста, за девять лет до её святого преставления, привели её здоровье в столь жалкое состояние, что казалось не чем иным, как чудом то, как она выносила жизнь среди стольких трудов и лишений, которые, к тому же, терпела с улыбкой на лице и спокойствием в сердце.

Оттого и служители приюта, движимые нежным состраданием к ней, не позволили ей продолжать труды, какие она взваливала на себя в прежние время, чтобы они не подорвали её силы; но видя, что она находит покой в измождении тела (потому что мощные экстазы, то и дело охватывавшие её, и лучи любви, которыми небесный Жених часто пронзал ей сердце, всякий раз, когда оказывался с нею наедине, могли вскоре лишить её жизни) вынуждены были вернуть её к обычным занятиям, велев ей оставить Бога ради Бога (*распространённый в раннее Новое время монашеский девиз, означающий переключение внимания с созерцательной молитвы на деятельную помощь ближним. – прим. пер.*), чем показали свое пылкое желание сберечь её жизнь и одновременно обнаружили, что сами не знают, чем тут можно помочь.

[89] И конечно, поскольку весьма отличны от наших пути Господа (*ср. Ис. 55:8-9*), коими Он имеет обыкновение привлекать к Себе избранные души, то неудивительно, что человеческий разум оказался неспособен изыскать способа облегчения для сей святой дамы скорбей и мучений, коими достолюбезный её Господь, особенно в последние годы, предшествовавшие её смерти, изволил смирять её, дабы соделать её во всём подобной образу Сына Своего возлюбленного (*ср. Гал. 4:19*). А потому порывы божественного огня, усиливаясь день ото дня, истощали её тело и делали её сердце неспособным выдерживать сей пыл, так что казалось, что оно готово вырваться из груди, а области кожи вокруг него алым цветом своим свидетельствовали о том огне, который она носил внутри.

Среди прочего (помимо ангельских явлений), чему Господь дал ей подвергнуться, были пытки св. Лаврентия мученика и Варфоломея апостола, а также некоторые муки, которые Воплотившееся Слово из любви к нам претерпело на твёрдом древе Креста, так что, если бы не укреплял её сверх естества Господь, радуясь при виде её несокрушимого терпения, то человеческих сил ей явно бы не хватило, чтобы противостоять столь суровым болям.

Таковы в общих чертах были важнейшие и благодарные дары, коими Богу угодно было украсить святую сию душу, чтобы оставить нам пример вдвойне удивительный и тем, что Он совершил чрез неё, и тем, что она ради Него претерпела.

ГЛАВА XIX. ПОСЛЕДНЯЯ БОЛЕЗНЬ И ДРАГОЦЕННАЯ СМЕРТЬ СВЯТОЙ. НАЧАЛО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕЁ ПОЧИТАНИЯ

[90] Прошло уже девять лет, в течение которых, как говорилось в предыдущей главе, Екатерину часто угнетали исступления ума, отчуждение чувств и пламенные лучи божественной любви, под натиском чего её тело не могло больше выстоять, с каждым днём истощаясь. Применявшиеся до сего часа средства не принесли ей ни малейшего облегчения, и врачи не знали, что предпринять, дабы восстановить её здоровье. Близкие ей люди после разнообразных попыток, которые они ежедневно усердно предпринимали, изо всех сил стараясь помочь ей, увидели, что она дошла почти до крайнего ослабления, а потому за четыре месяца до её кончины собрался консилиум из нескольких врачей, которые искали способ, как бы хоть немного облегчить тягчайшие боли, от которых она в то время страдала.

[91] Врачи с тщательным вниманием обследовали очаги воспалений, померили пульс и изучили симптомы, но, не найдя признаков естественной болезни, все

единогласно пришли к тому мнению, что недуг сей явно имеет божественный источник, а следовательно, человеческими средствами его не излечить, но исцеление больной остаётся предоставить лишь Божью действию. Это определение вполне соответствовало тому, о чём всегда прежде говорила св. Екатерина, которая, однако, будучи предельно послушна, никогда не отказывалась, даже к крайнему для себя ущербу, принимать предлагаемые ей лекарства; однако постоянно заявляла, что её болезнь совершенно другого характера, нежели те, к которым относится врачебное искусство врачебного.

И, конечно, было вполне понятно, что её болезнь была более высокого порядка, чем естественная, ведь боли становились острее и мучительнее в дни праздников, особенно в те, которые были посвящены торжествам в честь Пресвятой Богородицы, апостолов и мучеников, так что, что впредь, когда в Церкви свершался праздник какого-либо святого, Бог делал служительницу Свою соучастницей перенесённых им страданий.

[92] А то, что болезнь сия была высшего порядка, стало ещё явственнее для тех, кто видел, что любая предлагаемая ради подкрепления пища или питье приносит Екатерине вред, а не пользу; и не нашлось ничего, способного восстановить её силы, кроме святейшей Евхаристии, которую она принимала каждый день без затруднений и с величайшей радостью.

Многие благочестивые люди даже издалека стекались, чтобы воззреть на мученичество, коему божественная любовь подвергала сию святую, и наблюдая, с одной стороны, за невыразимыми скорбями и страданиями, в каковые она была погружена, а с другой – за спокойствием духа, с которым она их сносила, все окружающие её вдохновлялись свыше духовной ревностью, каковой словами не выразить, презрением мира, отвращением ко греху и любовью к Богу. Не в силах сдержать слёз, они, с сокрушённым сердцем испросив молитв её, возвращались исполненные утешения и изумления от того, что увидели в Екатерине, скорее, божественное существо, нежели человека.

[93] Потребовался бы огромный том, чтобы описать, как необычайно действовала божественная любовь на св. Екатерину в сии четыре последних месяца ее жизни: иногда её мучили такие острые боли, что ей казалось, будто тело её по-настоящему пребывает в чистилищном огне; иногда [Бог] утешал её небесными видениями, которые возносили её дух к радостям райским. Однако они не побудили её отказаться от стремления ещё больше страдать – даже здесь, на земле – из любви к своему распятому Благу и не смогли угасить владевшего ею желания ускользнуть отсюда, дабы соединиться с Ним на небесах.

В это время Бог показал ей состояние душ в Чистилище; чистоту, которой должна обладать душа при смерти; любовь, с каковой она была сотворена Богом; воздаяние вечного блаженства и иные тайны, в которые проникнуть способен лишь только тот, кто увидит.

[94] Настал день Успения Пресвятой Девы Марии года 1510-го. Боли Екатерины усилились сверх меры, и, памятуя, что это за день, она по собственному желанию приняла Последнее Помазание с величайшей духовной усладою. После этого явилось ей множество ангелов, вместе с которыми явились райские радости, дабы она могла

их отведать, и были они таковы, что ликование, возникшая от такого видения, как бы переполнило её тело, отчего она невольно выказывала признаки радости; и сия внезапная перемена в равной мере изумляла окружающих и утешала. И эта радость не на единый лишь миг у неё проявилась, и не протекла мимолётно, а длилась семь непрерывных дней, отчего все рассудили, что всякая смертельная опасность настолько отдалилась от неё, что она в дальнейшем должна выздороветь.

[95] Но когда истекли означенные дни, каждый понял, что надежда была ложна, ведь в канун св. Варфоломея её снова охватили страшные судороги, которые вскоре довели её до смерти в назначенный час. А сверх того Господь попустил ей мучиться ужасным видением общего недруга, что доставляло ей нестерпимую скорбь – не потому, впрочем, что она хоть сколько-нибудь боялась его, а из-за отвращения, которое испытывала её душа, пылавшая божественной любовью, к плачевному состоянию этого несчастного существа, которое, лишившись столь великого блага, странствовало между [небом и землёю]. Настолько [глубоким было её отвращение], что, не в силах вынести столь мучительного и гнусного для неё видения, Екатерина металась из стороны в сторону и, хотя не могла говорить, знаками дала всё-таки понять окружающим, чтобы они осенили себе грудь знаменiem святого креста, как сделала и она тоже, да окропили комнату и постель освящённой водой. Когда сие было исполнено, по прошествии получаса то страшное видение исчезло, и Господь возвратил ей прежнее душевное спокойствие.

[96] Недолго продолжалось это спокойное состояние, после чего Бог возобновил привычные ей терзания, время от времени облегчая их небесными вдохновениями, из-за чего с ней происходили ней такие внезапные перемены от скорби к ликованию, от печали к радости, от упадка сил к необычайной бодрости духа, что её духовные чада вместе с врачами оказались в полном недоумении, и боялись они, что в любой миг могут потерять её, но при этом тешились мыслью сохранить её.

Такой страх, смешанный с надеждой, они испытали двадцать пятого августа, когда она лишилась чувств, а когда вновь пришла в себя, то, не в силах почувствовать никакого облегчения, велела открыть окна, чтобы можно было созерцать небо. И тут она запела гимн «Veni Creator Spiritus» («О Сотворитель Дух, приди»), а остальные, видя её просиявшее от радости лицо, подхватили. Допев, слышали из её уст такие слова: «Пойдёмте, нет больше земли, нет больше земли..!» Но пока все сомневались, умирает она или нет, заметили, что в этот миг Бог явил ей нечто великое. Так, наверняка, и было, хотя она, когда её спросили, что видела, ответила, что не может сказать.

[97] Во всяком случае, она поведала видение, которое получила два дня спустя. В нём ей была явлена её душа, очищенная от всяких привязанностей плотских и духовных, чего она постоянно алкала – она передала его внятыми знаками. А затем повелела, чтобы при ней не находился никто, кроме тех, чьего присутствия требует настоящая необходимость, и чтобы не разговаривали с нею ни о чём, кроме того, к чему понуждает любовь к ближнему. При этом она проявляла странное безразличие к близким родственникам, что внушало им страх и почтение.

Поразительные испытания, к которым после этих видений прибегла небесная любовь для истончения её тела и очищения духа, легче [вскользь] упомянуть, чем

описать точно, ведь человеческий разум не способен проникнуть в загадочные действия Бога. Ведомо нам, что иногда она лежала неподвижно по несколько часов, с покрасневшим лицом и губами; изменив свой природный цвет, её тело часто разгорячалось настолько, что казалось, будто оно испускает раскаленные огненные пары, сообщая страшный жар даже воде, подаваемой ей для охлаждения рук в серебряном кувшине, так что сам сосуд нагревался от воды, точно его только что подержали на огне.

[98] На этом не прекратились милости, коими небесный Жених изволил одарить Екатерину перед её святым преставлением; и вот третьего сентября он сделал её причастницей всех святых Страстей Своих, сообщив телу её и душе смертоносную горечь перенесённых Им скорбей. И окружающие ясно поняли это, когда заметили, что она раскинула на постели руки крестообразно, самую собой представляя образ распятого своего Блага, и изрекла следующие слова:

«Наконец-то явились Страсти сии и все прочие кары, ниспосланные кротким повелением Божиим! Ибо уже около тридцати шести лет минуло, как Ты просветила меня, Любовь сладостная, а с того мгновения и доныне я всегда стремилась пострадать как внутренне, так и внешне, а поскольку таково было моё желание, то меня, казалось, никогда не постигнут никакие мучения, но хотя все прошлые муки и внешние скорби представлялись безмерною карою, все они по Твоему устройству показали мне, скорее, величайшей услугою и утехою сердечной.

Я уже достигла конца, иду к Тебе, истерзанная с головы до ног внутренней и внешней болью, столь великой, что, думаю, никакое человеческое тело, каким бы крепким оно ни было, не смогло бы вытерпеть сие чудовищное мучение, которому, кажется мне, поддалось бы не то что тело, состоящее из плоти и костей, но даже железо или сталь изничтожились бы его силой. И хотя я без всякого лекарства перенесла, оставшись жива, безмерные муки, тем не менее, от испытываемых страданий чувствую высочайшее воодушевление и так взволнована, что сказать не в силах. Мало того, мне кажется, что я постоянно живу среди великих утех, которые мне так угодны и милы, что ни словом сказать, ни помыслить даже».

[99] Вот уже много дней прошло, как Бог отнял у Екатерины всякое человеческое утешение, дабы поддерживать её только Своим освящённым телом, когда 7 сентября, наряду с иными радостными образами, явил Он ей огромную огненную лестницу, ведущую от земли к небесам, и услышала она призыв взойти по сим пылающим ступеням. Это видение, продолжавшееся четыре часа, так воспламенило её разум, а с ним и тело, что весь мир, казалось, горел, так что, желая узнать, так это или нет, она велела отворить окна, дабы убедиться.

Исполненные благоговения и изумления от столь необычного поворота событий, находившиеся при ней готовы были пойти на что угодно, лишь бы спасти ей жизнь, а потому иногда уговаривали её вкусить чего-нибудь укрепляющего; но это годилось лишь на то, чтобы дать ей возможность проявить свое послушание, потому что было ясно, что она не сможет удержать пищи. Когда же они попробовали другие способы и те оказались бесполезны, они собрали десять выдающихся врачей, чтобы те посоветовались, не получится ли человеческим искусством облегчить её состояние, но и это было напрасно, ведь, хотя учёные мужи вновь применяли все свои

изошрённые приёмы, они не смогли определить ничего, кроме того, что установили ранее, а именно то, что болезнь сия отнюдь не естественна.

[100] Тогда свершил Господь вышний совет, что от вечности замышлял в сердце Своём: соделать душу сию величайшим примером несравненной любви и страдания. Итак, он истончил её тело до такой степени, что в нём почти не осталось крови. Страшный жар сгустил кровь, и она не могла удержаться в венах, откуда в последние дни нашла выход и обильно истекала из них, но когда подставляли металлические сосуды, она силою жара въедалась в [стенки], оставляя на них несмываемые пятна.

Наконец, когда четырнадцатого сентября 1510 года настал праздник Воздвижения Святого Креста Господня, тело Екатерины оказалось почти обескровлено и лишено любой другой жидкости. Однако, как светильник, уже погасши, вспыхивает ярче, так и святая сия с ещё большим воодушевлением и силой, разразилась речами, пылавшими любовью горячее, чем когда-либо прежде.

Когда тот день миновал, а следующий перевалил за шестой час ночи (*по римскому исчислению суточного времени ночь начиналась после заката, т.е. примерно в шесть вечера, – прим. пер.*), то есть настало воскресенье пятнадцатого сентября, святая, услышав вопрос, не желает ли принять Евхаристию, погрузилась в глубочайшее созерцание и, как человек, коему ведом конец его, указала перстом на небеса, давая понять, что вот-вот отправится на вечерю небесную.

И вот с безмятежным лицом, нежнейшим голосом промолвив последние слова распятого Иисуса своего: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой», на шестьдесят третьем году жизни, как совершенная жертва, принесённая во всесожжение божественной любви, воспарила она, дабы неразлучно воссоединиться с Богом.

[101] В тот самый миг, когда она святая душа сбросила узы тела, увидела некая духовная дочь её, присутствовавшая при этом, что, исшед из тела, она стремительно вознеслась на небо. А когда некая одержимая была сверх меры терзаема бесом, злой дух был вынужден сказать, что видел, как сия душа воссоединяется с Богом, и что он испытал от этого невыносимое мучение. Также и многим избранным душам, что старались следовать по её святым стопам, были дарованы видения подобного рода.

Поскольку весть о кончине сей святой скоро распространилась, клирики и миряне, дворяне и простолюдины всех возрастов и обоих полов, охваченные скорбью и горечью великой утраты, наперегонки сбегались, чтобы поклониться её телу, выставленному на всеобщее обозрение в приютской церкви. А поскольку различные больные, вверившиеся её заступничеству, обретали полное исцеление от своих болезней, не нашлось там никого, кто при лицезрении её лика и знамений, ею свершаемых, не был бы тронут искренним умилением и не почувствовал, как в нём пробуждаются чувства скорби и презрения к мирским вещам, а видя гроб, в котором она лежала, не [не ощутил] призыва ревностно ступить на стезю небесную. И вот не потребовалось много времени, как были замечены чудесные перемены, особенно среди высокопоставленных женщин, которые, отвергнув приманки суетного мира, направили свои помыслы исключительно на великое дело своего вечного спасения.

[102] Не было никого, кто осмелился бы распорядиться вскрыть святые останки, прежде чем их поместят в новую гробницу, приготовленную для этой цели, так как

казалось неподобающим разрезать это тело. Ведь оно было мягким и гибким; даже, казалось, ещё живёт, сохраняя знаки небесных даров, ибо кожа в области сердца продолжала краснеть. Из-за этого и не получилось обнаружить ещё один дар (сердце, обращённое в пепел божественным огнем), которым, как уже было сказано, украсил её Господь.

Итак, столь драгоценное сокровище было перенесено в новую гробницу и оставалось в ней полтора года, скрытое от взоров, но открытое для общего почитания, которое наипаче проявилось тогда, когда тело прежде перенесения в более богатое захоронение пришлось выставить на восемь дней подряд перед бесконечным множеством народу, что сбегался почитать его и подивиться продолжению тех знамений, что наблюдались при нём с самого начала. А поскольку пылкая набожность собравшихся не довольствовалась тем, что им выдали священные облачения, и среди них нашёлся такой, кто посмел тайком оторвать ноготь, пришлось заключить останки в хорошо укрепленную и охраняемую часовню. При этом Господь не прекращал показывать, как сильны пред Ним молитвы служительницы Его, умножая знамения на благо тех, кто вверил себя ей.

[103] Ещё более расширилось почитание сей святой после того, как достоянием общественного внимания стали её героические добродетели вкупе с поразительными размышлениями её собственного сочинения, которые посредством печати были преданы суду публики Божиими слугами – доном Каттанео Маработто и доном Этторе Верначча, которых мы добрым словом помянули в другом месте. Поскольку эти книги часто печатались и переводились на разные языки, по католическому миру невероятно распространилась слава об исключительной святости Екатерины и её достойном учении, приводившем в изумление святейших и учёнейших мужей, коих длинный список был составлен отцом Иакинфом Парперой из Конгрегации Оратория в книге под названием «Толкования к писаниям бл. Екатерины Генуэзской».

[104] Почитание святой сей дамы, как началось, так и продолжалось неизменно, никогда нисколько не убывая; мало того, оно гораздо более распространилось среди чужеземных народов. Казалось, что отовсюду собирались великие множества богомольцев, чтобы почитать её святые мощи, которые, доселе оставаясь нетленными, выставлены на всеобщее обозрение (*сведения, актуальные и в XXI в. – прим. пер.*); поэтому, после соответствующих прошений, сей вид почитания был объявлен Апостольской властью законным 6 апреля в 1675 года.

Однако, вовсе не удовлетворившись такими заявлениями, знатные мужи, заведовавшие главным приютом города Генуи, добились, чтобы в Священной конгрегации обрядов было представлено дело о её канонизации, и оттуда были получены различные положительные отзывы как о внесении её имени в Римский мартиролог, так и о праздновании её памятного дня с особым упоминанием в официи и на мессе. Наконец, в том же, 1732 году, они добились положительного решения при рассмотрении её героических добродетелей, после чего 30 мая означенного года получили апостольское подтверждение оногo.

ГЛАВА XX. ЧУДЕСА, НЕДАВНО СОТВОРЁННЫЕ БОГОМ ПО ЗАСТУПНИЧЕСТВУ СЯТОЙ.
ТОРЖЕСТВЕННАЯ КАНОНИЗАЦИЯ ЕЁ

[105] Не место подробно рассказывать о бесчисленных чудесных исцелениях, которые Бог совершал по предстательству этой святой на протяжении более двух столетий, что протекли от её святой смерти до торжественной канонизации. Поэтому достаточно будет сообщить о случаях, произошедших недавно, так как в 1729 году благодаря горячему участию благородных покровителей главного приюта Генуи дело её стало продвигаться быстрее: идут чтения отчётов [о чудесах], сверяемых с достоверными доказательствами, которые, наконец, утверждаются одобрением Святого Апостольского Престола.

[106] Мария Маддалена Рицци около 1719 года заболела в главном приюте Генуи, и недуг её сопровождался отёком ног и коленей, а также невыносимой болью в левом боку. И безрезультатно перепробовав все лекарства, какие в таких случаях применимы, врачи пришли к тому выводу, что ей не выздороветь от этого недуга. Из-за этого она была размещена среди неизлечимых и вела жалчайшую несчастную жизнь, вынужденная в силу недуга лежать неподвижно, во всех своих действиях неизменно нуждаясь в чужой помощи. В этом состоянии она провела около девяти лет, когда в последнюю пятницу марта 1729 года, в то время, когда её донимала боль сильнее, чем обычно, лишив её не только покоя, но и, сверх того, всякого аппетита, она горячо попросила заступничества у святой, прочитав в её честь один раз Молитву Господню и Ангельское приветствие. Тотчас же она погрузилась в тонкий сон, а вскоре пробудилась исцелившейся и здоровой. Не мешкая, она самостоятельно оделась, вскочила с постели и без посторонней помощи и поддержки направилась посетить гробницу святой. Поблагодарив её за поразительное исцеление, Мария Маддалена ко всеобщему удивлению смогла сразу же приступить к обычным трудоемким занятиям.

[107] Ещё большую известность получило чудо, сотворённое Богом по заступничеству сей великой святой для знатной девицы Марии Франчески Саверии Джентиле, которая с тринадцати лет была постоянно прикована к постели, страдая от кучи болезней, которые часто приводили к тому, что она [, приготовляясь к смерти,] принимала все святыя таинства. Астма, судороги, цинга и паралич голеностопных мышц – таковы были обычные недуги, которыми она мучилась, причём они часто сопровождались признаками близкой кончины. В конце концов, воодушевленная чудесами, совершающимися каждый день у гробницы святой, она задумала отказаться от всех человеческих средств и с сердечной искренностью верить ей, понадеявшись, что обязательно выздоровеет, если только ей удастся посетить оную священную гробницу.

Поэтому 23 марта 1734 года, вопреки и настроениям домашних, и законам человеческого благоразумия она распорядилась одеть себя и, разместившись в [носильном] кресле, была доставлена слугами к мощам св. Екатерины, где сначала слушала мессу, а затем, излив горячие молитвы ко святой, возвратилась домой. И тут она обнаружила, что надежда, теплившаяся в её сердце, не обманула! Ибо едва носильщики доставили её ко крыльцу и собрались поднять с земли, чтобы занести в постель, она безоговорочно отказалась от этого, но, самостоятельно вставши, стала отважно подниматься по ступеням и в во мгновение ока почувствовала себя исцелённой и настолько здоровой, как будто никогда не болела, что вызвало

изумление родителей, знатных родственников и друзей, которые спешно сбежались на весть о чуде, чтобы разделить с нею радость о выздоровлении.

[108] Ничуть не менее замечательно внезапное исцеление Бьянки Семина, которая, упав в нежном возрасте с какой-то ступеньки у себя дома, осталась калекой и была отдана в приют. После того, как в течение долгих двадцати пяти лет она тщетно лечилась всевозможными средствами, её разбил паралич, а к тому же свело правую руку, из-за чего она постоянно лежала, совершенно неспособная к какой-либо самостоятельной человеческой деятельности.

Услыхав о чудесах, что творились у гробницы святой, она 2 апреля 1734 года велела посадить себя в носильное кресло и доставить из приюта Неизлечимых, где она обитала, в приют Главный, намереваясь посетить святыне мощи. Послушав там мессу и благоговейно приняв Евхаристию, Бьянка начала молиться святой, умоляя о даре долгожданного исцеления. Вдруг она неожиданно сама встала, полностью выпрямилась на ногах и вытянула иссохшую руку, поразив и изумив всех, оказавшихся зрителями такого чуда.

[109] Вышеперечисленные чудеса были подвергнуты тщательному исследованию в Священной конгрегации обрядов по ходатайству Его Высокопреосвященства Джорджо Спинолы, сменившего на должности покойного кардинала Джузеппе Ренати Империаля, и с одобрения господ-консультантов были единогласно признаны, а затем подтверждены указом Верховного понтифика в году, если не ошибаюсь, в 1737 году – 5 апреля, как раз в день рождения святой. Затем, в присутствии Его Святейшества ещё раз была проведено Генеральное заседание Священной конгрегации обрядов, цель которой была обсудить, правильно ли, принимая во внимание подтверждение описанных чудес, дать постановление о торжественной канонизации; и было постановлено, что позволить это будет правильно. Посему Владыка наш, призвав Бога на помощь, в 30-й день вышеназванного месяца и года принял долгожданное решение.

[110] Итак, правящий понтифик Климент XII постановил уделить нашей прославленной даме, одарённой героической любовью к ближним, те почести, которые наместник Христа и законный преемник св. Петра имеет обыкновение воздавать тем, кто дивным житием своим и достославными знаменами, свершившимися по их предстательству, дают воинствующей Церкви выдающиеся примеры святости и оказывают необычайные благодеяния, дабы потомки восхищались ими и подражали им.

И с этой целью он постановил, чтобы 15 июня 1737 года, в день, посвящённый прославлению Пресвятой Троицы, когда, после обычных совещаний и подготовили всё, что подобает для проведения столь священного и великого торжества, включая праздничные украшения. В указанный день оный Верховный понтифик явился на собрании прославленных кардиналов, епископов, легатов, князей и прелатов и приняв почести, подобающие его великому сану, к ликованию всего Рима причислил к лику святых наряду с Викентием де Полем, Иоанной Франциской Реджи и Юлианой де Фальконери нашу достославную вдову Екатерину Фиески Адорно Генуэзскую.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW